Ч 103/243

И 103/243
ШРД 1601

ЧЕРТЫ И АНЕКДОТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

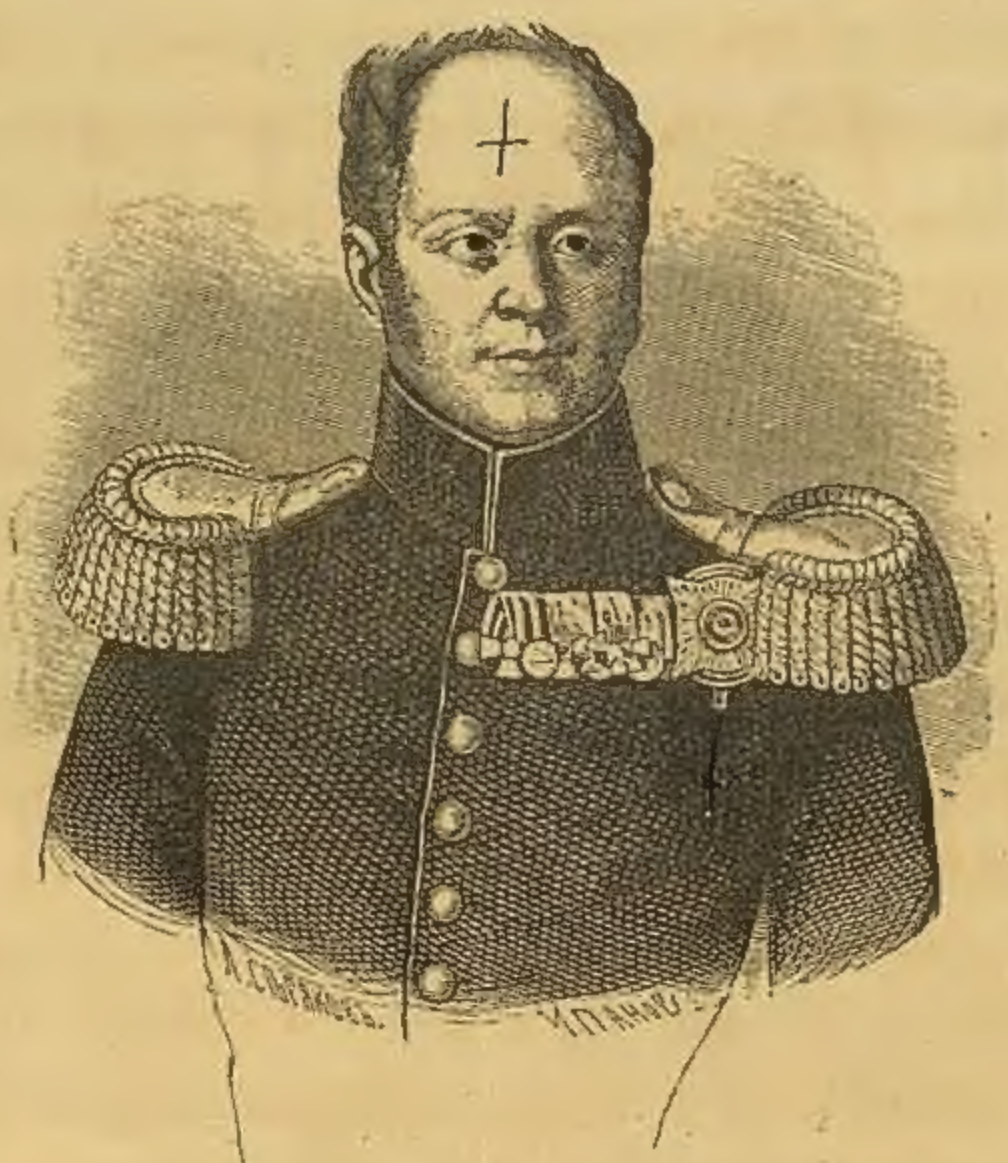
ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

БИБЛІОТЕКИ ВТОРАГО [illegible]
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
30-87.9/10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1877.

2007111288



ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

1777—1877.

Довол. ценз. 12 Ноября 1877 г.

Тип. бывшая А. Котомина Обух. м. 93.

ПАМЯТИ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

1777—1877.

БИБЛІОТЕКА
ВТОРАГО РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

12 ~~декабря~~ января 1877 года исполнилось столѣтіе со времени рожденія императора Александра I. Издавая въ память этого событія настоящую книгу, мы, при составленіи ея, имѣли въ виду только одну цѣль: собрать изъ разныхъ источниковъ преимущественно тѣ разсказы и черты изъ жизни Александра, которые рисуютъ его какъ *человѣка* и представляютъ матерьялъ для оцѣнки его прекрасныхъ душевныхъ качествъ, справедливо доставившихъ ему любовь современниковъ. Кромѣ того, мы сочли не лишнимъ присоединить къ нашей книгѣ наиболѣе замѣчательныя рѣчи, указы и манифесты императора Александра, а также превосходную рѣчь, сказанную при его коронаціи московскимъ митрополитомъ Платономъ.

Природа соединила въ императорѣ Александрѣ умъ обширный, пытливый и проницатель-

ный, сердце доброе, исполненное высокихъ побужденій, характеръ крайне воспріимчивый. Онъ выросъ посреди двухъ дворовъ, — бабки и отца, непріязненныхъ между собою и совершенно противоположныхъ по направленію; принужденный уживаться при обоихъ, онъ невольно пріучился къ скрытности и сдѣлался недовѣрчивъ къ людямъ. Умѣренный въ желаніяхъ, скромный и даже робкій, Александръ привлекалъ къ себѣ всѣхъ простотою своего обращенія, доступностью, отсутствіемъ желанія господствовать. Онъ съ юности обнаруживалъ стремленіе къ добру и всегда былъ готовъ спѣшить на помощь ближнему. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Александръ прежде всего былъ *человѣкъ*, въ высокомъ, многообъемлющемъ смыслѣ этого слова, а потомъ уже государь.—«Императоръ Александръ, — писалъ о немъ одинъ изъ тогдашнихъ иностранныхъ дипломатовъ, — честнѣйшій человѣкъ, какого я когда либо зналъ; онъ можетъ быть часто поступаетъ дурно, но въ душѣ его постоянное стремленіе къ добру».

Царствованіе императора Александра обильно великими событіями. Россія не можетъ забыть важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству.

Вспомнимъ, что при немъ присоединены къ русскому государству: вся Финляндія съ Аландскими островами, Бессарабія, герцогство Варшавское, Грузія, Мингрелія, Абхазія, Гурія и Имеретія. Въ дѣлахъ внутреннихъ дѣятельность Александра была не менѣе плодотворна: онъ учредилъ министерства, преобразовалъ государственный совѣтъ и всѣ части государственнаго управленія; при немъ развились наши финансы, торговая промышленность и земледѣліе, во всей имперіи распространено образованіе, возникли новые университеты: Петербургскій, Казанскій и Харьковскій, Царскосельскій лицей, институтъ Путей Сообщенія, училища: Инженерное, Артилерійское, Кораблестроительное и многія другія.

Двадцатипятилѣтнее царствованіе Александра I, озаренное славой незабвеннаго 1812 года, является свѣтлой страницей въ нашей исторіи и чѣмъ болѣе мы станемъ знакомиться съ необыкновенно симпатичной личностью государя, которому Россія единодушно придала названіе «Благословеннаго» тѣмъ сильнѣе будемъ любить его и питать къ нему благодарную память.

О первоначальномъ воспитаніи императора Александра I сохранилась весьма любопытная записка императрицы Екатерины II, писанная ею въ 1778 году, на французскомъ языкѣ, для шведскаго короля Густава III. Записка эта, найденная въ бумагахъ короля извѣстнымъ шведскимъ историкомъ Гейеромъ, обнародована имъ въ числѣ прочихъ документовъ, изданныхъ имъ въ 1843 году, подъ заглавіемъ: «Konnung Gustaf III efterlemnade papper».

Въ то время сношенія между императрицей и королемъ были самыя дружескія. Лѣтомъ 1777 года, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія Александра Павловича, Густавъ III посѣтилъ Петербургъ; 12-го декабря того же года родился великій князь, а безъ малаго черезъ годъ у Густава родился сынъ. Вѣроятно, король, въ ожиданіи этого послѣдняго событія, обратился къ императрицѣ за совѣтами относительно первоначальнаго воспитанія шведскаго кронпринца, что и побудило Екатерину отвѣчать слѣдующей, сообщаемой здѣсь въ переводѣ, запиской о рожденіи и воспитаніи великаго князя Александра Павловича:

«Александръ родился 12 декабря 1777 года. Тотчасъ же послѣ его рожденія, я взяла ребенка на руки и когда его обмыли, понесла его въ другую комнату, въ которой положила на подушку, покрывая слегка и не дозволяя при томъ пеленать его иначе какъ показано на приложенной при семъ куклѣ *). За тѣмъ, его положили въ корзину, въ которой находится кукла; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы бабы не вздумали качать ребенка. Александра передали на попеченіе генеральши Бенкендорфъ и помѣстили въ назначенныхъ ему покояхъ. Его кормилица—жена работника-садовника. Особенно заботились о свѣжемъ и чистомъ воздухѣ. Кровать Александра (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсъ; лежитъ онъ на кожанномъ матрасѣ, на которомъ стелется одѣяло; у него не болѣе одной подушки и очень легкое англійское покрывало. Въ его комнатѣ всегда говорятъ громко, даже и тогда, когда онъ спитъ. Никакой шумъ надъ его комнатами, или возлѣ нихъ не запрещенъ. Даже на бастіонахъ адмиралтейства, напротивъ его оконъ, стрѣляютъ изъ пушекъ и вслѣдствіе всего этого онъ не боится никакого шума. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы температура въ его покояхъ не превышала 14 до 15 градусовъ. Каждое утро, зимою и лѣтомъ, пока убирается его комната, ребенка выносятъ въ другую комнату; а между тѣмъ окна его спальни отворяются для

*) Какъ видно, императрица отправила къ Густаву III и куклу съ тою самою корзиной, въ которой лежалъ первое время великій князь.

возобновленія воздуха. Зимою тотчасъ-же послѣ согрѣванія комнаты его вносятъ обратно въ спальню. Со времени его рожденія, его ежедневно купали. Сначала вода была едва теплою, теперь же его моютъ комнатною водою. Онъ до того любитъ купаться, что, какъ скоро увидитъ воду, тотчасъ-же кричитъ, желая погрузиться въ нее. Его не пріучили къ тому, чтобы успокоивать не иначе какъ грудью; за то онъ привыкъ къ извѣстному порядку: спать въ назначенные часы, принимать грудь въ извѣстное время и т. п. Какъ скоро только дозволила весенняя погода, Александра безъ чепчика выносили на свѣжій воздухъ; мало по малу онъ привыкъ оставаться на воздухѣ и сидѣть или на травѣ, или на пескѣ, а также въ хорошую погоду спать на воздухѣ, въ тѣни. Его положатъ на подушку и онъ спитъ превосходно. Чулокъ онъ не знаетъ и не терпѣлъ бы ихъ; ему не надѣваютъ ничего, что могло бы быть лишнею тяжестью. Когда ему минуло четыре мѣсяца, его перестали постоянно носить на рукахъ и дали ему коверъ. Его клали на брюшко и онъ съ особенной радостью испытывалъ свои силы. Его одежда состоитъ въ коротенькой рубашенкѣ и въ вязаномъ широкомъ корсетикѣ. На воздухѣ къ этому прибавляется шерстяная или шелковая юбочка. Онъ ничего не знаетъ о простудахъ, большой, полный, свѣжій и веселый, любитъ прыгать, и почти никогда не кричитъ. Недавно у него прорѣзался первый зубокъ; теперь ему безъ малаго девять мѣсяцевъ» ([1]).

Учебными занятіями великаго князя Александра Павловича руководилъ знаменитый швейцарецъ Лагарпъ, человѣкъ чрезвычайно умный, образованный, честный и съ республиканскими убѣжденіями. Онъ имѣлъ благотворное вліяніе на своего ученика и ему принадлежитъ честь развитія въ Александрѣ любви и уваженія къ человѣчеству. Великій князь питалъ къ Лагарпу трогательную привязанность и еще въ дѣтствѣ предпочиталъ поучительныя бесѣды съ своимъ наставникомъ забавамъ и играмъ, свойственнымъ его тогдашнему возрасту.

Однажды, Александръ, бросившись на шею Лагарпу, былъ осыпанъ пудрою съ его парика. Замѣтивъ это, Лагарпъ сказалъ:—«Посмотрите, любезный князь, на что вы похожи». — «Ну все равно, — отвѣчалъ Александръ, — никто не осудитъ меня за то, что займу отъ васъ».

Отправясь какъ то разъ, по обыкновенію, пѣшкомъ къ своему воспитателю, великій князь нашелъ у него въ передней только что поступившаго въ должность швейцара, который, не зная никого изъ обычныхъ посѣтителей Лагарпова дома, спросилъ его «кто онъ?» и получивъ отвѣтъ «Александръ» просилъ его подождать, потому что Лагарпъ былъ занятъ. Великій князь, войдя въ пріемную, остался тамъ и ожидалъ болѣе полуучаса; когда же Лагарпъ, выйдя изъ своего кабинета и встрѣтивъ неожиданно гостя, сталъ извиняться въ недогадливости новичка-служителя, Александръ отвѣчалъ: — «Одинъ часъ вашихъ занятій стоитъ цѣлаго дня моего»

и щедро наградилъ швейцара «за усердное исполненіе своихъ обязанностей».

Въ 1794 году, когда Лагарпъ, по интригамъ своихъ недоброжелателей, долженъ былъ, не окончивъ ученія великаго князя, уѣхать изъ Россіи, Александръ написалъ ему слѣдующее теплое письмо, въ которомъ выразилась вся сила его любви и признательности къ своему наставнику:

«Прощайте любезный другъ! Чего мнѣ стоитъ сказать это слово. Помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который вамъ преданъ, который не въ состояніи выразить вамъ свою признательность, который обязанъ вамъ всѣмъ, кромѣ рожденія. Будьте счастливы, любезный другъ, это желаніе человѣка любящаго васъ, уважающаго и почитающаго выше всего. Я едва вижу, что пишу. Прощайте въ послѣдній разъ, лучшій мой другъ, не забывайте меня. Жена поручаетъ повторить вамъ, что она во вѣкъ не забудетъ всѣхъ вашихъ о ней попеченій. Еще разъ мой дорогой, мой другъ, мой благодѣтель».

Въ 1801 году, получивъ отъ Лагарпа поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, Александръ отвѣчалъ ему:

«Первою минутою истиннаго для меня удовольствія, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ во главѣ несчастной моей страны, была та, когда я получилъ письмо ваше, любезный и истинный другъ. Не могу выразить вамъ всего, что я чувствовалъ, особенно видя, что вы сохраняете ко мнѣ тѣ-же чувства, столь дорогія моему

сердцу и которыхъ ни отсутствіе, ни перерывъ сношеній, не могли измѣнить. Вѣрьте, любезный другъ, что ничто въ мірѣ не могло поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ которыхъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться. Не въ моей власти оцѣнить все, что вы для меня сдѣлали и никогда я не буду въ состояніи заплатить за этотъ священный долгъ.

«Буду стараться сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться; я не переставалъ думать о васъ и о проведенныхъ съ вами минутахъ. Мнѣ было бы отрадно надѣяться, что они могутъ придти вновь и я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ это исполнилось. Въ этомъ отношеніи я совершенно полагаюсь на васъ и на домашнія ваши обстоятельства, потому что нѣтъ никакихъ другихъ, которыя могли бы этому препятствовать. Объ одной милости прошу васъ,—писать ко мнѣ отъ времени до времени и давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія. Почему вы не можете быть здѣсь, чтобъ руководить меня вашей опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по милости и, можетъ быть, по невѣдѣнію черноты испорченныхъ душъ. Часто судишь самъ по себѣ и, желая

добра, ласкаешь себя тѣмъ, что другіе имѣютъ тѣ-же намѣренія, до тѣхъ поръ пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ; тогда выходишь изъ заблужденія, но можетъ уже поздно и зло сдѣлано.

«Вотъ, любезный другъ, почему просвѣщенный и опытный въ знаніи людей другъ, есть величайшее сокровище. Занятія мои не позволяютъ мнѣ писать вамъ болѣе. Скажу вамъ только, что болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли,—общей пользѣ. Прощайте любезный другъ, дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ горести. Клапяйтесь отъ меня вашей женѣ и примите поклоны мои. Если я могу вамъ быть полезенъ, располагайте мною и скажите, что я могу сдѣлать».

Императоръ Александръ велъ постоянную переписку съ Лагарпомъ, а въ 1814 году, по вступленіи своемъ въ Парижъ, пожаловалъ ему (въ чинѣ полковника) орденъ св. Андрея Первозваннаго и лично посѣтилъ его скромную квартиру, въ четвертомъ этажѣ, въ одной изъ отдаленныхъ парижскихъ улицъ.

— Вы очень перемѣнились, — сказалъ государь, обращаясь къ госпожѣ Лагарпъ.

— Ваше величество, я какъ и всѣ терпѣла горе,— отвѣчала она.

— Вы меня не поняли,—возразилъ Александръ,— бывало, вы сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга

и дружески съ нимъ разговаривали, а теперь стоите передъ нимъ.

Г-жа Лагарпъ начала говорить объ энтузіазмѣ, который внушали парижанамъ доступность и душевныя качества императора.

— Если во мнѣ есть что нибудь могущее нравиться, — отвѣчалъ онъ, — то кому я этимъ обязанъ? Еслибъ не было Лагарпа, не было бы и Александра (²).

Въ ризницѣ собора села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву, находится ящикъ въ четыре вершка длины и ширины съ стекляннымъ верхомъ, въ которомъ хранилась рубашка, пожалованная Аракчееву императоромъ Александромъ въ бытность его великимъ княземъ. Исторію этой рубашки Аракчеевъ разсказывалъ лицамъ, посѣщавшимъ Грузино слѣдующимъ образомъ:

«Когда покойная императрица (Екатерина II) была въ предсмертныхъ страданіяхъ и не оставалось надежды на выздоровленіе, то императоръ Павелъ I, зная, что его ожидаетъ вступленіе на престолъ, послалъ за мною въ Гатчину съ приказаніемъ скорѣе пріѣхать въ Петербургъ. Дороги были тогда дурныя, я скакалъ что было силы и весь въ грязи явился къ императору. Онъ принялъ меня самымъ ласковымъ манеромъ, сказалъ: «служи мнѣ вѣрно» и, взявъ меня за руку, подвелъ къ великому князю Александру Павловичу,

положилъ мою руку въ его руки и сказалъ: «будьте друзьями». И мы всегда были друзьями. Великій князь, видя меня всего въ грязи, сказалъ: «вѣрно ты за скоростію бѣлья чистаго не взялъ съ собою; пойдемъ ко мнѣ, я тебѣ дамъ», и тогда далъ мнѣ эту рубашку. Послѣ я ее у него выпросилъ и вотъ она; а когда умру, то се на меня надѣнутъ и въ ней я буду похороненъ».

Дѣйствительно, Аракчеевъ, согласно сдѣланному имъ при жизни распоряженію, похороненъ въ этой рубашкѣ ([3]).

Воцареніе императора Александра было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ. Петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Паленъ, докладывая объ этомъ государю, сообщилъ ему, между прочимъ, что народъ съ такою жадностью и радостью расхваталъ манифестъ о вступленіи на престолъ, что теперь экземпляры его продаются уже по рублю. «Государь, — прибавилъ Паленъ, — вы счастливы: вы любимы народомъ!» — «Я тогда буду счастливъ,—отвѣчалъ Александръ, — когда и черезъ пятнадцать лѣтъ увижу тоже самое» ([4]).

При восшествіи императора Александра на престолъ, всѣ лица, заключенные въ предшествовавшее царствованіе въ Петропавловскую крѣпость, были освобождены. Одинъ изъ арестантовъ, оставляя казематъ,

надписалъ надъ дверями: «Свободенъ отъ постоя». Объ этомъ донесли государю. Онъ улыбнулся и замѣтилъ, что слѣдовало бы прибавить къ надписи слово «навсегда» ([5]).

Народная любовь къ императору Александру выразилась особенно въ 1812 году, когда послѣ отступленія нашей арміи изъ лагеря подъ Дриссой, государь явился въ Москву грустный, подавленный тягостью совершавшихся событій. Не смотря на то, что императоръ пріѣхалъ ночью, вся дорога отъ первой станціи Перхушково была полна народомъ, такъ что отъ взятыхъ многими фонарей было свѣтло, какъ днемъ. Александръ былъ привѣтствованъ съ неописаннымъ восторгомъ. Народъ цаловалъ его руки, одежду, лошадей. Одинъ изъ толпы, пробившись къ государю, сказалъ:— «Не унывай! Видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя!» Онъ передалъ словами то, что было на сердцѣ у каждаго.

На другой день (12-го іюля) едва лишь стала заниматься заря, народъ повалилъ на Красную площадь. Солнце ярко сіяло въ этотъ торжественный день. Въ девять часовъ Александръ вышелъ изъ дворца и въ то же мгновеніе раздался звонъ колоколовъ и восторженное, потрясающее ура! огласило всю Москву. Если бы Наполеонъ могъ быть свидѣтелемъ этой встрѣчи царя москвичами, то убѣдился бы въ несбыточности

своей мечты—покорить Россію. Александръ, выйдя на Красное крыльцо, остановился видимо растроганный зрѣлищемъ, напоминавшимъ времена Минина и Пожарскаго. Прошло нѣсколько минутъ. Началось шествіе къ Успенскому собору, замедляемое народомъ, тѣснившимся къ государю и кричавшимъ:—«Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Господь Богъ!» При входѣ въ соборъ, преосвященный викарій московскій Августинъ, привѣтствуя монарха краткимъ словомъ, въ заключеніе сказалъ:—«Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

15-го іюля назначено было собраться дворянству и купечеству въ обширныхъ залахъ Слободскаго дворца. Еще до прибытія государя главнокомандующій въ Москвѣ графъ Ростопчинъ приказалъ прочитать въ обоихъ собраніяхъ высочайшій манифестъ о народномъ ополченіи и пламенной рѣчью приглашалъ всѣхъ и каждаго принять участіе въ защитѣ отечества. Дворянство положило выставить 80,000 ратниковъ, купечество назначило общій денежный сборъ и открыло частную подписку. Войдя въ залу дворянскаго собранія, государь, встрѣченный восторженно, объяснилъ въ короткихъ словахъ положеніе государства, «которое войска, при всѣхъ усиліяхъ храбрости и самоотверженія, не могли отстоять отъ многочисленной арміи Наполеона, составленной изъ порабощенныхъ имъ народовъ» и, напомнивъ, что уже не разъ государство было обязано своимъ спасеніемъ дворянскому сословію, сказалъ: — «Настало время для Россіи показать свѣту ея могу-

щество! Я твердо рѣшился истощить всѣ средства моей обширной имперіи, прежде нежели покорнмся высокомѣрному непріятелю. Въ полной увѣренности взываю къ вамъ; вы, подобно вашимъ предкамъ, не позволите восторжествовать врагамъ; этого ожидаютъ отъ васъ отечество и государь!» Въ отвѣтъ государю раздались восклицанія: — «Готовы умереть за тебя, Государь! Не покоримся врагу. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ!» Трудно было разслышать слова, внушаемыя преданностію, но въ смыслѣ ихъ не могло быть сомнѣнія: его выражали слезы присутствовавшихъ. Государь, самъ чрезвычайно растроганный, узнавъ отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства В. Д. Арсеньева о готовности дворянъ выставить по десяти ратниковъ со ста душъ, сказалъ:—«Инаго я не ожидалъ отъ васъ. Вы оправдали мое о васъ мнѣніе». Потомъ, перейдя въ залу, гдѣ было собрано купечество, государь объявилъ депутатамъ, что для отраженія непріятеля требуются значительныя денежныя средства, что вскорѣ будутъ возобновлены дружественныя сношенія съ Англіей, готовой открыть свои гавани русской торговлѣ, но что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе страны угрожаетъ нашествіе Наполеона. И здѣсь государь изъявилъ свою увѣренность въ содѣйствіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ, и здѣсь встрѣтилъ такую же готовность жертвовать ему и Россіи имуществомъ и собою. По отбытіи императора, въ продолженіи двухъ часовъ, купечество подписалось на полтора милліона. За обѣдомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ,

куда были приглашены почетнѣйшіе изъ московскихъ жителей, императоръ нѣсколько разъ повторилъ, что онъ этого дня никогда не забудетъ.

Возбудивъ Москву, а съ нею вмѣстѣ и всю Россію, къ дружному возстанію противъ Наполеона, Александръ писалъ въ Петербургъ, къ графу Н. И. Салтыкову:

— «Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ; купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронуту до слезъ, видя духъ оживляющій всѣхъ и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ» (6).

Императоръ Александръ съ самой юности обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь ближнему, не соображая ни средствъ своихъ, ни обстоятельствъ. Случилось ему услышать, что какой-то старикъ, иностранецъ, нѣкогда служившій при академіи, находится въ крайней бѣдности,—онъ поспѣшно вынулъ 25 рублей и поторопился отослать ихъ къ бѣдному, хотя у него не оставалось болѣе денегъ. Въ другой разъ, узналъ онъ, что одинъ изъ штукатуровъ, работавшихъ у дворца, упалъ съ лѣсовъ и сильно разшибся: отправить его въ больницу, послать къ нему

своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все это деньги, подарить больному нѣкоторую сумму, постель, свою простыню,—было для него дѣломъ одной минуты. Мало этого, — онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, пока тотъ не выздоровѣлъ, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ «который — какъ онъ самъ выразился — считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ» ([7]).

Въ 1807 году, во время пребыванія своего въ Вильнѣ, императоръ Александръ поѣхалъ, однажды, гулять верхомъ за городъ и, опередивъ свою свиту, замѣтилъ на берегу рѣки Вилейки нѣсколько человѣкъ крестьянъ, которые что-то тащили изъ воды. Приблизившись къ толпѣ, государь увидѣлъ утопленника. Крестьяне, принявъ царя за простаго офицера, обратились къ нему за совѣтомъ, что дѣлать въ этомъ случаѣ. Александръ тотчасъ соскочилъ съ лошади, помогъ имъ раздѣть несчастнаго и началъ самъ тереть ему виски, руки и подошвы. Вскорѣ подоспѣла свита государя, среди которой находился и лейбъ-медикъ Виллье. Послѣдній хотѣлъ пустить утопшему кровь, но она не пошла. Александръ продолжалъ тереть его, однако онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни. Послѣ усилій, продолжавшихся болѣе двухъ часовъ, Виллье, къ величайшему огорченію государя, объявилъ, что всѣ дальнѣйшія старанія возвратить утопленника къ жизни бу-

дутъ напрасны. Александръ, не смотря на усталость, просилъ Виллье попробовать еще разъ пустить кровь. Лейбъ-медикъ исполнилъ его настоятельное желаніе и, къ удивленію, кровь пошла и несчастный тяжело вздохнулъ. Императоръ прослезился отъ радости и умиленія и, взглянувъ на небо, сказалъ:

— Боже мой! Эта минута есть счастливѣйшая въ моей жизни!

Возвращенному къ жизни продолжали подавать дѣятельныя пособія. Виллье старался удержать кровь, которой вытекло уже довольно. Государь разорвалъ свой платокъ, перевязалъ руку больнаго и оставилъ его не прежде, какъ увѣрившись, что онъ внѣ опасности. По приказанію Александра, бѣднякъ былъ перенесенъ въ городъ, гдѣ императоръ не переставалъ заботиться о немъ и по выздоровленіи далъ ему средства къ безбѣдному существованію.

Лондонское королевское общество для спасенія мнимо-умершихъ, узнавъ о такомъ человѣколюбивомъ поступкѣ императора, поднесло ему дипломъ на званіе своего почетнаго члена и золотую медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ ребенокъ, вздувающій только что погашенную свѣчу съ надписью: «Latet scintilla forsan» (можетъ быть искра скрывается), а внизу: «Soc. Lond. in resuscitationem inter mortuorum instit. 1774». (Лондонское общество, учрежденное въ 1774 г. для возвращенія къ жизни мнимо-умершихъ). На другой сторонѣ медали былъ выбитъ дубовый вѣнокъ съ надписью по серединѣ: «Alexandro imperatori

2°

societas regia humana himillime donat.» (Императору Александру человѣколюбивое королевское общество усерднѣйше приноситъ) (⁸).

Милосердіе императора Александра было безпредѣльно въ случаяхъ оскорбленія его особы дерзкими словами; въ дѣлахъ такого рода не было иной резолюціи, кромѣ: «простить». Только по дѣлу казеннаго крестьянина Пермской губерніи, Мичкова, уличеннаго въ произнесеніи богохульныхъ и дерзкихъ противъ высочайшей особы словъ, послѣдовала, на заключеніе государственнаго совѣта, по которому подсудимый былъ приговоренъ къ наказанію плетьми сорока ударами и ссылкѣ въ Сибирь, высочайшая резолюція: — «Быть по сему, единственно въ наказаніе за богохульныя слова, прощая его совершенно въ словахъ, произнесенныхъ на мой счетъ» (⁹).

Однажды, министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ, явясь съ докладомъ къ императору Александру, представилъ ему дѣло объ оскорбленіи величества. Государь, отстранивъ рукою бумаги, сказалъ:

— Вѣдь ты знаешь, Иванъ Ивановичъ, что я этого рода дѣла никогда не слушаю. Простить,—и кончено. Что же надъ ними терять время.

— Государь,—отвѣчалъ Дмитріевъ,—въ этомъ дѣлѣ есть обстоятельства довольно важныя, дозвольте хоть ихъ доложить отдѣльно.

Александръ, и молчавъ и подумавъ немного, возразилъ:

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ важнѣе такого рода дѣла, тѣмъ меньше хочу ихъ знать. Тебя это, можетъ быть, удивляетъ, но я тебѣ объясню. Можетъ случиться, что я, какъ императоръ, все-таки прощу, но какъ человѣкъ, буду сохранять злобу; а я этого не хочу. Даже при такихъ дѣлахъ, впредь не говори мнѣ никогда и имени оскорбителя, а говори просто: «дѣло объ оскорбленіи величества», потому что я, хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это не хорошо» ([10]).

Въ другой разъ, Дмитріевъ, докладывалъ государю дѣло о жестокомъ обращеніи одной помѣщицы съ дворовой дѣвкой, вслѣдствіе котораго послѣдняя умерла. Александръ, слушая докладъ плакалъ и говорилъ:— «Боже мой! можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается! Сколько отъ насъ закрытаго, мы и вообразить этого не можемъ!» Въ данномъ случаѣ, при утвержденіи сентенціи, Александръ забылъ свою кротость для правосудія ([11]).

Отставной подполковникъ Лисевичъ былъ сужденъ за жестокіе поступки съ своими крестьянками, подъ предлогомъ будтобы онѣ хотѣли его отравить. Сенатъ, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста 1814 года,

освободивъ Лисевича отъ слѣдуемаго ему по законамъ наказанія, полагалъ однако же его, какъ человѣка вреднаго для общества, сослать на житье въ монастырь. Въ общемъ же собраніи государственнаго совѣта, тринадцать членовъ согласились съ положеніемъ сената, а одинъ членъ изъявилъ мнѣніе, что хотя въ преступленіи Лисевича не заключалось, изъятыхъ отъ помилованія, смертоубійствъ, разбоя и грабежа, однакоже поступки его превосходятъ грабежъ и разбой, потому что, тиранства, какія онъ совершалъ надъ невинными крестьянками, могли прекратить ихъ жизнь. Къ тому же, онъ, извѣтомъ своимъ на крестьянокъ въ отравленіи его, подводилъ ихъ подъ тяжкую казнь, и не доказавъ этого обвиненія, подлежалъ по закону равному наказанію. Но какъ онъ, по немолодымъ лѣтамъ (ему было тогда 56 лѣтъ) неспособенъ ни къ работѣ, ни къ поселенію, то по сей единственной причинѣ соглашается сей членъ съ заключеніемъ сената о ссылкѣ Лисевича въ монастырь. По представленіи императору Александру мнѣнія государственнаго совѣта послѣдовала высочайшая резолюція: — «Согласенъ съ сужденіемъ одного члена».

Въ доказательство того, что императоръ Александръ постоянно стремился вездѣ строго наблюдать правосудіе и справедливость, здѣсь будетъ кстати привести слѣдующее письмо его къ княгинѣ М. Г. Голицыной, просившей государя пріостановить взысканіе долговъ ея мужа (камергера князя Александра Николаевича Голицына) или назначить особую коммисію для ихъ разбора:

«Княгиня Марья Григорьевна! Положеніе мужа вашего, въ письмѣ вашемъ изображенное, привлекаетъ на себя все мое сожалѣніе; если увѣреніе сіе можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знакомъ моего искренняго къ особѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но, конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ; вы слишкомъ справедливы, чтобъ не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мной, что не только невозможно мнѣ остановить взысканія долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобы подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію,—законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ признаются ясными и разбору не подлежащими требованіями: вексель, крѣпость, запись, контрактъ и всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія. Впрочемъ, мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобы надѣяться, что, при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его продажею нѣкото-

рой части онаго, не только всѣ долги заплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вамъ жребій, доставитъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ быть, болѣе отъ нечаянности происшедшіе, нежели отъ самаго существа дѣла родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ и вы меня найдете справедливымъ, не переставая вѣрить, что вмѣстѣ я пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ» ([12]).

Уничтоженіе крѣпостнаго права, было одной изъ любимыхъ мыслей императора Александра. Въ 1816 году былъ сдѣланъ первый опытъ этого,—утвержденіемъ положенія для эстляндскихъ крестьянъ. Инициатива освобожденія принадлежала дворянству. Государь предложилъ Курляндіи сдѣлать тоже, а когда дѣло замедлилось, повелѣно было ввести или выработанный для нея проектъ, или утвержденное уже эстляндское положеніе. Дворянство согласилось на послѣднее. Лифляндія боролась долго съ затрудненіями, сопряженными съ этимъ многосложнымъ дѣломъ; наконецъ, въ 1818 году, и она приняла учрежденіе объ освобожденіи крестьянъ. Замѣчательны слова Александра лифляндскому дворянству по этому случаю:—«Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени

и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ» ([13]).

При вступленіи на престолъ императора Александра, фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ просилъ государя объ опредѣленіи своего сына президентомъ въ одну изъ коллегій.—«Я самъ молодъ,—отвѣчалъ ему Александръ,—и съ молодыми президентами мнѣ нечего дѣлать» ([14]).

Князь П. А. Зубовъ, оказавшій императору Александру, при его воцареніи. важныя услуги, просилъ государя исполнить одну просьбу, не объясняя въ чемъ она заключалась. Государь далъ слово. Тогда Зубовъ представилъ ему къ подписи заранѣе изготовленный простительный и опредѣлительный указъ генералъ-маіору Арбеневу, который былъ виновенъ въ томъ, что въ Итальянскую кампанію 1799 г. скрылся отъ своего полка во время сраженія. Императоръ поморщился, однако подписалъ: «принять вновь на службу». Черезъ минуту, подойдя къ Зубову, онъ началъ просить его также выполнить одну свою просьбу. Зубовъ униженно выразилъ готовность исполнить безпрекословно все, что прикажетъ государь. Тогда Александръ сказалъ ему:—«Пожалуйста, раздерите подписанный мною указъ». Зубовъ растерялся, покраснѣлъ, но, дѣлать нечего, разорвалъ бумагу ([15]).

Въ бытность свою, въ 1812 году, въ Москвѣ, государь остался весьма доволенъ всѣми распоряженіями и мѣрами, принятыми главнокомандующимъ первопрестольной столицей, графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ и пожаловалъ ему эполеты съ своимъ вензелемъ, сказавъ при этомъ:— «Я самъ теперь у тебя на плечахъ» (16).

Извѣстный острякъ и каламбуристъ, оберъ-камергеръ А. Л. Нарышкинъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора Александра, не смотря на свое огромное состояніе, имѣлъ множество долговъ, потому что жилъ слишкомъ роскошно и былъ очень добръ и щедръ. Въ 1810 году, государь пожаловалъ ему Андреевскій орденъ съ брилліантовыми украшеніями, цѣною тысячъ въ тридцать. Новопожалованный кавалеръ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, поспѣшилъ заложить этотъ орденъ въ Ломбардъ какъ вдругъ, вслѣдъ за тѣмъ, при дворѣ былъ назначенъ какой-то большой праздникъ, на который, разумѣется, слѣдовало непремѣнно явиться въ новой звѣздѣ. Что дѣлать и какъ выпутаться изъ затрудненій? Деньги, полученныя подъ залогъ ордена, были уже истрачены, достать ихъ скоро было нельзя, а директоръ Ломбарда былъ человѣкъ неумолимый и неспособный поддаться никакимъ краснорѣчивымъ просьбамъ о ссуженіи ордена закладчику хоть на четверть часа прежде уплаты всей ссуды. Сказаться больнымъ, лечь въ постель и принимать лекарство, представлялось въ настоящемъ случаѣ средствомъ неловкимъ и неудоб-

пымъ. Оставался одинъ только исходъ: прибѣгнуть къ царскому камердинеру, у котораго хранились двѣ бриллiантовыя звѣзды государя; одна изъ нихъ, новенькая, стоила шестьдесятъ тысячъ рублей. Нарышкинъ пустилъ въ ходъ всевозможныя убѣжденія, просьбы, любезности, обѣщанія, и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, склонилъ камердинера дать ему надѣть новую звѣзду государеву, подъ клятвой, что она будетъ возвращена немедленно послѣ праздника. Весьма довольный, Нарышкинъ явился въ этой звѣздѣ во дворецъ. Случайно взглянувъ на орденъ, императоръ по четыремъ крупнымъ бриллiантамъ, украшающимъ углы, замѣтилъ разительное сходство съ его собственною новою звѣздою. Нѣсколько разъ пристально всмотрѣвшись въ орденъ, государь подошелъ къ Нарышкину, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Вотъ странность, кузенъ: вы носите звѣзду точь въ точь такую, какую я недавно получилъ отъ моего ювелира.

Смущенный Нарышкинъ отвѣчалъ нѣсколькими безсодержательными и безсвязными фразами. Такое замѣшательство, въ виду загадочно-торжественнаго сходства одного орденскаго знака съ другимъ, разумѣется еще сильнѣе возбудило въ государѣ подозрѣніе и онъ съ явною сухостью и неудовольствіемъ сказалъ Нарышкину:

— Не знаю, кузенъ, ошибаюсь ли я, но скажу вамъ прямо: полагаю, что это именно моя звѣзда; сходство съ нею просто поразительно.

Окончательно сконфуженный и уничтоженный оберъ-камергеръ признается тогда въ своей продѣлкѣ и, предавая себя вполнѣ заслуженной карѣ, проситъ только помилованія черезъ-чуръ податливому царскому камердинеру. Изумленный такой неожиданной развязкой, благодушный и снисходительный Александръ мгновенно смягчился. Подавивъ въ себѣ чувство справедливаго негодованія, онъ милостиво отвѣчалъ кающемуся придворному:

— Успокойтесь. Поступокъ вашъ не на столько важенъ, чтобъ я не умѣлъ его простить. Однакожъ, мнѣ самому не приходится уже употреблять этотъ орденъ, а остается подарить его вамъ — съ условіемъ, чтобы я впередъ не подвергался подобнымъ заимствованіямъ моихъ вещей» ([17]).

Дмитріевъ, при назначеніи своемъ министромъ юстиціи, имѣлъ всего лишь аннинскую ленту. Однажды находясь у государя, онъ рѣшился сказать ему:

— Простите, ваше величество, мою смѣлость и не удивитесь странности моей просьбы.

— Что такое?—спросилъ Александръ.

— Я хочу просить у васъ себѣ александровской ленты.

— Что тебѣ вздумалось? — сказалъ государь съ улыбкой.

— Для министра юстиціи нужно имѣть знакъ ва-

шего благоволенія; лучше будутъ приниматься его предложенія.

— Хорошо,—отвѣчалъ Александръ,—скоро будутъ торги на откупа,—ты ее получишь.

Такъ и сдѣлалось.

Когда Дмитріевъ пришелъ благодарить императора, то онъ, смѣясь спросилъ его:

— Что? Ниже-ли кланяются?

— Гораздо ниже, ваше величество, — отвѣчалъ Дмитріевъ ([18]).

Дмитріевъ, вообще былъ очень сдержанъ и остороженъ, но разъ, при докладѣ государю, ему случилось забыться. По окончаніи доклада, онъ подалъ императору заготовленный къ его подписанію указъ о награжденіи какого-то губернатора орденомъ. Александръ почему-то поусумнился и сказалъ:

— Этотъ указъ внеси лучше въ комитетъ министровъ.

Въ то время подобное приказаніе было не въ обычаѣ и считалось исключеніемъ. Дмитріевъ обидѣлся, всталъ со стула, собралъ бумаги въ портфель и отвѣчалъ государю:

— Если, ваше величество, министръ юстиціи не имѣетъ счастія заслуживать вашей довѣренности, то ему не остается ничего болѣе, какъ исполнять вашу высочайшую волю. Эта записка будетъ внесена въ комитетъ.

— Что это значитъ?—спросилъ Александръ съ удивленіемъ,—я не зналъ, что ты такъ вспыльчивъ! Подай мнѣ проектъ указа, я подпишу.

Дмитріевъ подалъ. Государь подписалъ и отпустилъ его очень сухо.

Когда Дмитріевъ вышелъ за дверь имъ овладѣло раскаяніе и досада, что онъ не удержался и причинилъ императору, котораго чрезвычайно любилъ, неудовольствіе. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, онъ вернулся и отворилъ дверь кабинета. Александръ, замѣтивъ его, спросилъ:

— Что тебѣ надобно, Иванъ Ивановичъ? Войди.

Дмитріевъ вошелъ и со слезами на глазахъ принесъ чистосердечное раскаяніе:

— Я вовсе на тебя не сердитъ, — отвѣчалъ государь,—я только удивился. Я знаю тебя съ гвардіи и не зналъ, что ты такой сердитый. Хорошо, я забуду, да ты не забудешь! Смотри же, чтобъ съ обѣихъ сторонъ было забыто, а то, пожалуй, ты будешь помнить! Видишь, какой ты злой!—прибавилъ онъ съ милостивой улыбкой ([19]).

Однажды императоръ Александръ прогуливался по обыкновенію, по Англійской набережной, пѣшкомъ, въ офицерской сѣрой шинели въ накидку. Его экипажъ на этотъ разъ почему то не слѣдовалъ за нимъ, а между тѣмъ вдругъ хлынулъ проливной дождь. Государь подозвалъ перваго попавшагося извощика и, не будучи

узнавъ имъ, велѣлъ везти себя къ Зимнему дворцу. При проѣздѣ мимо Сенатской гауптвахты, караулъ, узнавшій царя, вышелъ въ ружье и отдалъ честь съ барабаннымъ боемъ. Изумленный извощикъ началъ озираться кругомъ, полагая, что императоръ проѣхалъ гдѣ нибудь близко.—«Ну да любезный, это царь проѣхалъ»—улыбаясь, сказалъ ему сѣдокъ. Наконецъ, подъѣхали къ Зимнему дворцу. Александръ, неимѣя при себѣ денегъ,—какъ это обыкновенно случается съ державными особами,—проситъ извощика обождать, обѣщая тотчасъ выслать ему деньги.—«Э, нѣтъ, ваше благородіе, не могу,—отвѣчаетъ извощикъ,—господа офицеры за частую меня надували. А вотъ оставьте-ка мнѣ вашу шинель въ закладъ, дѣло то будетъ вѣрнѣе». Государь безпрекословно согласился на это требованіе, снялъ шинель, отдалъ ему ее и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ выслалъ служителя передать извощику 25 рублей, объявить ему, что онъ возилъ государя и получить обратно оставленную шинель. Служитель исполнилъ порученіе въ точности; но извощикъ вмѣсто того, чтобъ обрадоваться чести, которой удостоился и щедрой платѣ, началъ лукаво смѣяться и сказалъ съ видомъ человѣка себѣ-на-умѣ:—«Ты, голубчикъ, видно, за дурака меня принимаешь: вѣдь шинель-то стоитъ дороже 25 рублей, а почемъ знать, что у тебя въ головѣ.—пожалуй, ты хочешь эдакимъ манеромъ дешево поживиться барской шинелью. Пускай лучше баринъ, котораго я возилъ, самъ придетъ за шинелью, а иначе я ее не отдамъ». Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, еслибы въ это

время не подошелъ царскій лейбъ-кучеръ Илья, котораго въ Петербургѣ зналъ всякій ребенокъ. Онъ подтвердилъ увѣреніе камеръ-лакея и извощикъ, отдавъ шинель, уѣхалъ вполнѣ довольный и счастливый ([20]).

Разъ, императоръ Александръ, выходя изъ Зимняго дворца, встрѣтилъ на подъѣздѣ молодую дѣвушку простаго званія, которая бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Что вамъ угодно?—спросилъ ее государь.

— Ахъ, ваше величество,—отвѣчала она, — мнѣ предстоитъ случай выдти замужъ, но у меня нѣтъ никакого состоянія. Будьте милостивы, дайте мнѣ приданое.

Государь не могъ не улыбнуться и сказалъ:

— Послушайте, мое дитя; если всѣ бѣдныя петербургскія дѣвушки будутъ просить у меня приданаго, то гдѣ же я возьму для этого денегъ?

Однако онъ записалъ фамилію наивной просительницы и на другой день послалъ ей пятьдесятъ рублей ([21]).

Въ 1818 году, императоръ Александръ, возвращаясь изъ за-границы въ Россію, не имѣлъ намѣренія смотрѣть расположенныя по его пути войска и потому нигдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для представленія ихъ государю. Кавалерія стояла даже на травѣ. Императоръ, усматривая изъ маршрута, что ему приходилось проѣзжать черезъ мѣстечко, гдѣ стояли въ то время Бѣлорусскій гусарскій полкъ и конно-артиллерій-

ская рота, вдругъ послалъ фельдьегеря съ приказомъ собрать какъ полкъ такъ и роту для смотра ихъ къ его пріѣзду. Командиромъ Бѣлорусскаго полка былъ тогда храбрый полковникъ Ольшевскій, а ротою командовалъ полковникъ Поздѣевъ. Дѣлать было нечего: не смотря на невыгоды столь неожиданнаго смотра и на бытность лошадей на травѣ, полкъ былъ собранъ; но къ довершенію его несчастія, во время слѣдованія къ назначенному мѣсту, пошелъ проливной дождь, который лилъ въ теченіи всего восьмиверстнаго перехода. Конно-артиллерійская рота же была счастливѣе: она пользовалась травою въ самомъ мѣстечкѣ и потому вышла въ строй почти передъ самымъ пріѣздомъ государя. Сравненіе обѣихъ частей оказалось самое пагубное для Бѣлорусскаго полка: жалкій видъ его слишкомъ ярко бросался въ глаза, въ виду роты, выѣхавшей если не въ щегольскомъ, то, сравнительно съ гусарами, въ наилучшемъ видѣ. Государь разсердился и немедленно отрѣшилъ отъ должности полковника Ольшевскаго, а полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. Полковникъ Ольшевскій былъ одинъ изъ блистательныхъ офицеровъ русской кавалеріи. Онъ началъ службу въ Ахтырскомъ полку и командовалъ эскадрономъ во время командованія полкомъ П. В. Васильчикова *) и брата его Д. В. Васильчикова и потому былъ имъ обоимъ хорошо извѣстенъ по своимъ блистательнымъ качествамъ.

---

*) Извѣстный кавалерійскій генералъ, впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта.

По возвращеніи государя въ Петербургъ, онъ, за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ И. В. Васильчиковъ, началъ ему разсказывать о неудавшемся смотрѣ и тутъ же объяснилъ, что назначилъ полковника Поздѣева командиромъ полка. На это генералъ Васильчиковъ осмѣлился выразить его величеству, что онъ очень сожалѣетъ, что государь лишился въ полковникѣ Ольшевскомъ отличнаго офицера.

— Но полкъ его былъ въ ужасномъ положеніи,— отвѣчалъ государь.

— Тому была какая нибудь причина, ваше величество, полковникъ же Ольшевскій вполнѣ достойный офицеръ.

Разговоръ на этомъ пресѣкся. Послѣ обѣда, императоръ подошелъ къ Васильчикову и спросилъ его:

— Вы, вѣроятно, хорошо знаете Ольшевскаго, что такъ горячо за него заступаетесь?

— Да, государь, знаю его давно, какъ отличнаго офицера.

— Но онъ, вѣрно, любитъ набивать свой карманъ?

— Государь, я смѣло могу сказать вамъ, что онъ такъ же честенъ, какъ и я.

Императоръ послѣ этого разговора вышелъ. Онъ велѣлъ навести справки и, удостовѣрившись въ истинѣ, немедленно приказалъ дать Ольшевскому отличный конно-егерскій полкъ, а увидѣвши Васильчикова сказалъ ему:

— Благодарю васъ, Иларіонъ Васильевичъ, что вы

вашими словами дали мнѣ средство исправить мою ошибку ([22]).

Въ воспоминаніяхъ Н. И. Лорера находится слѣдующій любопытный разсказъ объ императорѣ Александрѣ и его извѣстномъ лейбъ-кучерѣ Ильѣ Байковѣ:

«Въ 1823 году,—говоритъ Лореръ,—служилъ я въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку. Мнѣ случилось тогда вступить въ караулъ съ моею ротою на главную гауптвахту въ Зимній дворецъ. Не успѣлъ я разставить своихъ часовыхъ и ефрейторовъ, какъ является ко мнѣ придворный лакей съ запиской отъ коменданта Башуцкаго, чтобъ «по волѣ его величества содержать подъ арестомъ лейбъ-кучера Илью, впредь до приказанія». Зная Илью лично, видавши его часто, то на козлахъ въ коляскѣ, то зимою въ саняхъ, я обрадовался принять такого знаменитаго гостя, который слишкомъ двадцать лѣтъ имѣлъ счастіе возить государя по всей Европѣ и по всей Россіи (потому что обыкновенно почтовый ямщикъ не садился на козлы, а только запрягалъ лошадей; правилъ же день и почь лейбъ-кучеръ Илья).

«Всякому извѣстно, какъ несносно стоять цѣлые сутки въ карауле, не снимая ни знака, ни шарфа. Со мною были два младшіе офицера моей роты, по установленнымъ правиламъ. Я принялъ почтеннаго Илью Ивановича Байкова самымъ радушнымъ образомъ, увѣренный, что мнѣ и моимъ товарищамъ не будетъ съ нимъ скучно. Я приказалъ придворному лакею подать

завтракъ, къ коему пригласилъ и Илью. Онъ поблагодарилъ и сказалъ мнѣ, впрочемъ, что «нашему брату есть особенныя коморки».—«Нѣтъ, почтеннѣйшій, вы будете съ нами» — возразилъ я и налилъ ему рюмку водки и двѣ рюмки вина. Я радовался, что онъ кушалъ съ аппетитомъ и, замѣтивъ, что у него выступалъ потъ, я пригласилъ его снять кучерскую одежду и облегчить себя, что онъ охотно исполнилъ: на немъ оказался бархатный черный жилетъ и бархатные шаровары, спущенные въ сапоги.

— «Скажите мнѣ, за что васъ посадили?—Онъ улыбнулся и сказалъ:—За слово *знаю!* Извѣстно вамъ, что его величество никогда не скажетъ куда именно изволитъ ѣхать; но я безпрестанно поворачиваюсь къ нему, и онъ мнѣ кивнетъ то на право, то налѣво, то прямо. Не понимаю, какъ скользнуло у меня съ языка сказать: «знаю ваше величество». Государъ вдругъ сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ: «Кучеръ ничего не долженъ знать кромѣ лошадей!» Пріѣхали мы благополучно и я доставилъ его во дворецъ къ маленькому крыльцу, откуда государь обыкновенно выѣзжать и куда пріѣзжать изволитъ. Двадцать лѣтъ вожу его какъ на ладони; но прежнія силы измѣняютъ мнѣ, теперь не то! Поѣздка его величества въ Швецію, въ 1812 году, на свиданіе къ шведскому королю, гдѣ я не слѣзалъ почти съ козелъ день и ночь, между скалами и обрывами, меня изнурила, тутъ я лишился и силы моей и моего здоровья. Бывало, цѣлую четверку на всемъ скаку мигомъ останавливалъ, такъ что она осядетъ на заднія ноги».

«Подали намъ обѣдъ и мы весело сѣли за столъ. Илья Ивановичъ сталъ разговорчивѣе.

— «Мой прежній господинъ,—разсказывалъ онъ,—былъ извѣстный силачъ морякъ Лукинъ. Онъ ломалъ подковы, изъ желѣзной кочерги дѣлалъ крендель. Однажды флотъ долженъ былъ выступить. Государь (Павелъ Петровичъ) вошелъ на корабль и нашелъ моего барина грустнымъ. Его величество изволилъ замѣтить это и спросилъ отъ чего? Лукинъ сказалъ ему, что чувствуетъ, что не воротится на родину.—Къ чему такъ думать,—возразилъ государь,—конечно, мы всѣ подъ властью Божіей. Подари мнѣ что нибудь на память свою.—Что же мнѣ подарить вашему величеству?—отвѣчалъ Лукинъ и, поискавши въ своемъ карманѣ, вынулъ цѣлковый, слѣпилъ изъ него чашечку, какъ будто изъ воску, и поднесъ. Государь любилъ моего барина. Предчувствіе его сбылось: онъ не возвратился на родину; ядромъ были оторваны у него обѣ ноги!

— «Скажите, Илья Ивановичъ, говорятъ, что вы дѣлали много добра тѣмъ, которымъ трудно приблизиться къ нашему доброму государю?

—«Иногда бывало,—отвѣчалъ Илья самымъ простодушнымъ образомъ.

— «Разскажите, разскажите,—сказали мы всѣ трое въ одинъ голосъ. Онъ говорилъ очень хорошо, но нѣкоторыя фразы и слова были кучерскія. Будь онъ грамотный, какія интересныя записки могъ бы онъ написать!

— «Въ 1805 году,—началъ Илья,—подъ Аустерли-

цемъ, гдѣ насъ въ пухъ разбили и вся армія бѣжала, я едва могъ отыскать государя. Онъ былъ боленъ, лежалъ на соломѣ, въ нѣмецкой избушкѣ. Я привезъ ему его шинель. За недѣлю до открытія кампаніи, генералъ Лошаковъ женился на очень хорошенькой полькѣ. Однимъ словомъ, была красотка! Послѣ сраженія онъ безъ спроса уѣхалъ къ женѣ, которая была очень близко отъ нашихъ границъ, и за такой поступокъ главнокомандующій Кутузовъ отдалъ его подъ судъ, а императоръ приказалъ посадить въ Кіевскую крѣпость, въ казематъ. Послѣ окончанія войны, когда все уже успокоилось, госпожа Лошакова пріѣхала въ Петербургъ хлопотать о своемъ мужѣ. Она бѣдная ходила ко всѣмъ министрамъ, даже и къ Аракчеѣву. Только и было слышно: «не принимать, не принимать!» Какъ чумную! Бѣдная генеральша скиталась по улицамъ, а полиція во всѣ глаза слѣдила за нею. Однажды, какая то старушка, встрѣчая ее очень часто на улицѣ и, видя ее молодость и красоту, сказала ей:—Эхъ матушка родная, не ищите въ нихъ покровительства и сходите лучше къ лейбъ-кучеру Ильѣ Ивановичу: онъ добрый человѣкъ и пожалѣетъ васъ». Она показала домъ мой, что на Фонтанкѣ. Лошакова, выслушавъ старуху, отправилась ту же минуту ко мнѣ, взошла и плачевнымъ голосомъ сказала:—Милостивый государь, я генеральша Лошакова, пришла къ вамъ просить вашего покровительства, доставьте мнѣ свиданіе съ императоромъ, чтобы я могла подать ему мою просьбу.—Признаюсь вамъ, господа, я задумался, просилъ ее сѣсть и успокоиться; подумалъ

и сказалъ:—Съ Богомъ берусь за это дѣло, хотя для меня это весьма опасно. Я неиначе могу доставить вамъ свиданіе, какъ по моему дѣлу, по кучерскому. Теперь слушайте меня внимательно, чтобъ намъ не ошибиться. Завтрашній день императоръ въ троичныхъ саняхъ выѣзжаетъ въ Царское Село. Остановитесь вы на Адмиралтейскомъ бульварѣ, противъ маленькаго подъѣзда Зимняго дворца, надѣньте на себя что нибудь яркое или цвѣтное, чтобъ я могъ замѣтить васъ, потому что тутъ народъ и зѣваки стоятъ: прохожіе, какъ увидятъ, что сани государевы стоятъ для отъѣзда, то ожидаютъ его выхода взглянуть на императора. Да чтобъ прошеніе ваше о мужѣ было готово у васъ! Вы отдѣлитесь не много отъ толпы, чтобъ мнѣ лучше распознать васъ. Надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ.—Настало утро пасмурное, пошелъ снѣгъ. Надобно, господа, знать, что императоръ не любитъ останавливаться въ толпѣ народа до того, что мы иногда объѣзжаемъ толпу. Садясь въ сани, его величество, когда бываетъ въ хорошемъ нравѣ, всегда изволитъ сказать:— Здорово Илья!—Но тутъ не поздоровавшись сѣлъ въ сани и мы тронулись.—Ну, плохо!—подумалъ я. Какъ только я увидѣлъ Лошакову и поравнялся съ нею, я дернулъ правую лошадь и она переступила постромку. Сани остановились: другой кучеръ, который стоялъ поодаль, прибѣжалъ и освободилъ лошадь; я же, не слѣзая, стоялъ въ саняхъ готовый. Лошакова бросилась къ ногамъ императора. Государь поспѣшно вышелъ изъ саней, поднялъ ее, сталъ съ нею говорить милостиво на иностранномъ языкѣ.

Она подала ему прошеніе свое; онъ взялъ его, ласково поклонился, и мы быстро помчались. Когда мы проѣхали московскую заставу, государь сказалъ мнѣ:—Илья! это твои штуки?—Тогда я осмѣлился разсказать ему все дѣло.—Спасибо тебѣ. Я прощу Лошакова, произведу его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, пошлю фельдьегеря, чтобъ его освободили изъ Кіевской крѣпости; но строго приказываю впредь не доводить меня до такихъ свиданій,—и при этомъ самъ улыбнулся. Тогда я снялъ шляпу и перекрестился.—Слава Господу Богу! Все кончилось благополучно! — На другой день генеральша пришла со слезами благодарить меня и была въ восторгѣ отъ нашего императора. Она принесла гостинцевъ моимъ дѣтямъ, игрушекъ, пряниковъ, два ящика конфектъ, а на другой день уѣхала въ Кіевъ, чтобъ встрѣтить своего счастливаго мужа, освобожденнаго изъ крѣпости» ([23]).

Однажды, при обычной прогулкѣ государя, по улицамъ Петербурга, въ дрожкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, лейбъ-кучеръ Илья привезъ его на конецъ города.

— За чѣмъ ты поѣхалъ сюда? — спросилъ Александръ.

— Если ваше величество позволите мнѣ, то я скажу о томъ послѣ—отвѣчалъ Илья и проѣхавъ еще нѣсколько домовъ, остановился у полуразвалившейся

избы.—Государь, сказалъ онъ, — здѣсь живетъ вдова моего прежняго господина.

Александръ не отвѣчалъ ни слова, но, по возвращеніи во дворецъ, вручилъ Ильѣ деньги для передачи его прежней госпожѣ, назначивъ ей тогда же пожизненную пенсію ([24]).

По какому-то вѣдомству высшее начальство представляло нѣсколько разъ одного изъ своихъ чиновниковъ по фамиліи Гаврюшкина то къ повышенію чиномъ, то къ денежной наградѣ, то къ кресту, и каждый разъ императоръ Александръ вымарывалъ его изъ списка. Чиновникъ этотъ не занималъ особенно виднаго мѣста и ни по какимъ данным не могъ быть особенно извѣстенъ государю. Удивленный начальникъ не зналъ какъ разрѣшить свое недоумѣніе и наконецъ осмѣлился спросить у государя о причинѣ неблаговоленія его къ означенному чиновнику.

— Онъ пьяница, — отвѣчалъ государь.

— Помилуйте, ваше величество, я вижу его ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ теченіи дня: смѣю удостовѣрить, что онъ совершенно трезваго и добронравнаго поведенія и очень усерденъ къ службѣ; позвольте спросить, что могло дать вамъ о немъ такое неблагопріятное и, смѣю сказать, несправедливое понятіе?

— А вотъ что,—сказалъ государь, — однимъ лѣтомъ въ прогулкахъ своихъ, я почти каждый день

проходилъ мимо дома, въ которомъ у открытаго окна былъ въ клѣткѣ попугай; онъ безпрестанно кричалъ: «пришелъ Гаврюшкинъ,—подайте водки».

Разумѣется, государь кончилъ тѣмъ, что далъ болѣе вѣры начальнику, чѣмъ попугаю и опала съ несчастнаго чиновника была снята ([25]).

Проѣзжая въ 1824 году, черезъ Екатеринославскую губернію, императоръ Александръ остановился на одной станціи пить чай. Пока ставили самоваръ, государь разговаривалъ съ станціоннымъ смотрителемъ и, увидѣвъ у него на столѣ книгу Новаго Завѣта, въ довольно подержанномъ видѣ, спросилъ:

— А часто-ли ты заглядываешь въ эту книгу?

— Постоянно читаю, ваше величество.

— Хорошо. Читай, читай,—замѣтилъ императоръ,—это дѣло доброе. Будешь искать блага души, найдешь и земное счастіе. А гдѣ ты остановился въ послѣднее чтеніе?

— На евангеліи св. апостола Матѳея, ваше величество.

Государь выслалъ за чѣмъ-то смотрителя и въ его отсутствіе проворно развернулъ книгу, отыскалъ одну изъ страницъ евангелія отъ Матѳея и, положивъ въ нее нѣсколько ассигнацій, закрылъ книгу.

Прошло нѣсколько недѣль. Возвращаясь обратно по той же дорогѣ, государь узналъ станцію и приказалъ остановиться.

— Здравствуй старый знакомый, — сказалъ онъ входя къ смотрителю, — а читалъ-ты безъ меня свое евангеліе?

— Какъ же, ваше величество, ежедневно читалъ.

— И далеко дошелъ?

— До св. Луки.

— Посмотримъ. Дай сюда книгу.

Государь развернулъ ее и нашелъ положенныя имъ деньги на томъ же мѣстѣ.

— Ложь великій грѣхъ! — сказалъ онъ, вынулъ бумажки и указавши смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавилъ:—«читай».

Смотритель съ трепетомъ прочиталъ:

— Ищите прежде всего царствія Божія, а прочія вся приложатся вамъ.

— Ты не искалъ царствія Божія, — замѣтилъ государь, — а потому не достоинъ и царскаго приложенія.

Съ этими словами онъ вышелъ, отдалъ деньги на бѣдныхъ села и уѣхалъ, оставивъ смотрителя въ полномъ отчаяніи ([36]).

Въ старину, проѣздъ черезъ заставу былъ дѣломъ государственной важности не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ: во Франціи и въ Германіи этотъ порядокъ соблюдался, можетъ быть, еще строже и докучливѣе, нежели въ Россіи. А. А. Волковъ, хорошо

знакомый Москвѣ, сперва какъ полиціймейстеръ, потомъ какъ оберъ-полиціймейстеръ, комендантъ и, наконецъ, какъ начальникъ московскаго жандармскаго управленія, — и во всѣхъ этихъ званіяхъ равно любимый москвичами, — разсказывалъ, что онъ нерѣдко имѣлъ личные доклады у императора Александра и всегда все сходило съ рукъ благополучно. Одни представленія (въ званіи коменданта) рапортовъ государю, во время пребыванія его въ Москвѣ, о военныхъ чинахъ, пріѣзжихъ и отъѣзжихъ, озабочивали его: не рѣдко они бывали поводомъ къ высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ. Государь имѣлъ необыкновенную память и смѣтливость. Казалось, что онъ знаетъ наизусть фамиліи всѣхъ офицеровъ русской арміи—кто въ какомъ полку и какого чина. Малѣйшая описка въ рапортѣ разомъ и прямо кидалась ему въ глаза. «Не подумай, Волковъ,—сказалъ онъ однажды,—что я придираюсь къ тебѣ»,—при этихъ словахъ, государь подошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ и показалъ ему въ какомъ порядкѣ лежатъ у него подобные рапорты. «Изъ трехъ моихъ столицъ,—прибавилъ онъ,—изъ Петербурга, Москвы и Варшавы» ([27]).

На Каменномъ острову, въ оранжереяхъ, императоръ Александръ замѣтилъ однажды на деревѣ лимонъ необычайной величины. Онъ приказалъ принести его къ себѣ тотчасъ-же какъ только онъ спадетъ съ дерева.

Разумѣется, по излишнему усердію, къ лимону приставили особый надзоръ и наблюденіе за нимъ перешло на долю и отвѣтственность караульнаго офицера. Нечего и говорить, что государь ничего не зналъ объ устройствѣ этого обсерваціоннаго отряда. Наконецъ, роковой часъ пробилъ: лимонъ свалился. Приносятъ его къ караульному офицеру, который, вѣрный долгу и присягѣ, спѣшитъ съ нимъ во дворецъ. Было далеко за полночь и государь уже легъ въ постель, но офицеръ приказываетъ камердинеру доложить о себѣ. Его призываютъ въ спальню.

— Что случилось, — спрашиваетъ встревоженный государь, — не пожаръ-ли?

— Нѣтъ, ваше величество, —отвѣчаетъ офицеръ,— благодаря Бога о пожарѣ ничего не слыхать. А я принесъ вамъ лимонъ.

— Какой лимонъ?

— Да тотъ, за которымъ ваше величество повелѣли имѣть особое и строжайшее наблюденіе.

Тутъ государь вспомнилъ и понялъ въ чемъ дѣло. Можно судить, какъ Александръ Павловичъ, отмѣнно вѣжливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый, отблагодарилъ черезъ-чуръ усерднаго офицера, который долго послѣ того былъ извѣстенъ между товарищами подъ прозвищемъ «лимонъ» ([28]).

Въ запискахъ М. А. Дмитріева, племянника извѣстнаго писателя и министра юстиціи И. И. Дмитріева,

находится слѣдующій любопытный разсказъ о томъ, какъ онъ получилъ званіе камеръ-юнкера.

— «Дядя мой,—говоритъ Дмитріевъ,—уже былъ семь лѣтъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ. Я тогда былъ помолвленъ. Дядѣ хотѣлось, къ моей свадьбѣ, доставить мнѣ званіе камеръ-юнкера. Не смѣя писать объ этомъ прямо къ государю, не смотря на увѣренность въ его милости, онъ написалъ къ Карамзину, что желалъ-бы узнать, сохранилъ-ли къ нему государь прежнее благоволеніе и можетъ ли онъ написать къ нему о своей просьбѣ. Императоръ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Встрѣтившись съ Карамзинымъ въ саду, онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ его подлѣ. Первый вопросъ былъ, какъ всегда: — «Пишетъ ли къ тебѣ Иванъ Ивановичъ и здоровъ ли онъ?» — Пишетъ, государь, я еще имѣю отъ него порученіе.—«Какое?»—Онъ желаетъ узнать отъ меня: сохранили-ли вы къ нему прежнее милостивое благоволеніе?—«Что это значитъ? Развѣ онъ сомнѣвается?»—Нѣтъ, государь, но у него есть просьба.—«Какая?» Карамзинъ сказалъ о камеръюнкерствѣ. Надобно сказать, что государь, при началѣ разговора съ Карамзинымъ, взялъ у него трость. Не отвѣчая ничего на послѣднія слова его, онъ началъ писать на пескѣ тростью и написалъ: «быть по сему». Карамзинъ, видя это, ободрился и рѣшился спросить: Какой же отвѣтъ прикажете мнѣ написать? Александръ отвѣчалъ:—«Ты отвѣтъ видишь».—Но это, государь, написано на пескѣ,—замѣтилъ Карамзинъ съ улыбкою.—«Что я написалъ на пескѣ, то напишу и на бумагѣ!»

По увѣдомленіи объ этомъ, дядя мой написалъ письмо уже къ самому императору. Такимъ образомъ 19 августа 1821 года получилъ я званіе камеръ-юнкера» ([29]).

Однажды, въ 1815 году, въ Парижѣ, за обѣдомъ, графъ Аракчеевъ предложилъ государю учредить въ воспоминаніе чрезвычайныхъ событій того времени новый орденъ съ пенсіономъ, или присоединить пенсіоны къ орденамъ св. Георгія и Владиміра и назначить пенсіопы эти тѣмъ, кто отличился или былъ изувѣченъ въ послѣднихъ походахъ.

— Но гдѣ мы возьмемъ денегъ? — спросилъ императоръ.

— Я объ этомъ думалъ,—отвѣчалъ Аракчеевъ,—полагаю обратить на сей предметъ въ казну имѣнія тѣхъ поляковъ, которые служили въ 1812 году Наполеону и, не взирая на дарованное имъ прощеніе, не возвратились въ Россію, какъ напримѣръ князей Радзивиловъ.

— То есть конфисковать ихъ?

— Такъ точно,—отвѣчалъ Аракчеевъ.

— Я конфискацій не люблю,—возразилъ императоръ,—ежели возьмемъ пенсіонъ для предлагаемыхъ тобою орденовъ съ конфискованныхъ имѣній, то пенсіоны сіи будутъ заквашены слезами.

Разумѣется, послѣ этихъ словъ Аракчеевъ болѣе уже не возобновлялъ своего предложенія ([30]).

Императоръ Александръ не зналъ Карамзина до 1811 года. Въ этомъ году, намѣреваясь посѣтить живущую въ Твери великую княгиню Екатерину Павловну, государь пожелалъ видѣть тамъ Карамзина, который по приглашенію великой княгини и пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь читалъ онъ въ первый разъ государю свою «Исторію Государства Россійскаго», что изображено на одномъ барельефѣ памятника, воздвигнутаго исторіографу на его родинѣ, въ Симбирскѣ. Со вниманіемъ прослушавъ до глубокой ночи чтеніе любопытнѣйшихъ отрывковъ историческаго труда Карамзина, государь сказалъ:

— Русскій народъ достоинъ имѣть свою исторію.

«Исторія Государства Россійскаго» по повелѣнію императора была напечатана безъ цензуры.—Государь предварительно самъ разсматривалъ рукопись первыхъ восьми томовъ и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. На вопросъ Карамзина: прикажетъ ли исправить мѣста имъ отмѣченныя? Александръ отвѣчалъ, что дѣлалъ эти отмѣтки только для себя, но чтобъ печатать все, какъ есть въ рукописи.

Въ 1822 году, уѣзжая на конгрессъ въ Верону, государь взялъ съ собою въ рукописи десятой томъ «Исторіи», заключающій въ себѣ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.—«Въ первые три дня моего путешествія,—

писалъ онъ Карамзину, — имѣлъ я довольно времени, чтобъ со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно и произвело во мнѣ увѣреніе, что новый томъ Россійской Исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ прежде напечатанныхъ. Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то, можетъ быть, дозволилъ бы себѣ войти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкоторое сомнѣніе во мнѣ о ихъ правильности. Но на письмѣ сіе неудобно и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать ни мало вашихъ приготовленій къ тисненію. Теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ перваго фельдьегеря, дабы съ обратнымъ отправленіемъ онаго скорѣе доставить вамъ назадъ ввѣренныя мнѣ тетради и тѣмъ уничтожить опасенія ваши о ихъ цѣлости. Прежде нежели заключу сіи строки, прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Екатеринѣ Андреевнѣ. *) Искренно сожалѣю, что не удалось мнѣ съ обоими вами проститься въ день моего отъѣзда. Все было мною сдѣлано для сего по обыкновенію, но на сей разъ тщетно. Кончаю увѣреніемъ въ всегдашней моей преданности къ вамъ» ([31]).

---

*) Жена Карамзина.

Императоръ Александръ любилъ сохранять въ своемъ кабинетѣ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ: письменные столы его содержались въ необыкновенной опрятности; на нихъ никогда не было видно ни пылинки, ни лишняго лоскутка бумаги. Всему было свое опредѣленное мѣсто; самъ государь вытиралъ тщательно каждую вещь и клалъ туда, гдѣ разъ навсегда она была положена. На всякомъ изъ стоявшихъ въ кабинетѣ столовъ и бюро лежали свернутые платки для сметанія пыли съ бумагъ и десятокъ вновь очиненныхъ перьевъ, которыя употреблялись только однажды, а потомъ замѣнялись другими, хотя бы то было единственно для подписи имени. Поставка перьевъ, очиненныхъ по рукѣ государя, отдавалась на откупъ одному изъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей, получавшему за то ежегодно три тысячи рублей.

Въ началѣ своего царствованія, императоръ имѣлъ при себѣ довольно ловкихъ и смѣтливыхъ камердинеровъ (обыкновенно двухъ, смѣнявшихся между собою), но впослѣдствіи, замѣтивъ, что они передавали содержаніе бумагъ, оставляемыхъ на письменномъ столѣ въ царскомъ кабинетѣ и, уличивъ виновныхъ, государь удалилъ ихъ, обезпечивъ будущность обоихъ, и затѣмъ держалъ при себѣ для услуги людей попроще, снося терпѣливо ихъ безтолковость и неловкость. Однажды когда Александръ страдалъ рожею на ногѣ, помощникъ лейбъ-медика Тарасовъ пришелъ сдѣлать ему обычную перевязку. Государь, пересѣвъ съ кресла на диванъ, приказалъ камердинеру Ѳедорову, котораго въ шутку

называлъ «Ѳедоровичемъ», подвинуть къ нему столикъ, на которомъ лежали бумаги и стояла чернильница съ прочими письменными принадлежностями. Исполняя приказаніе, Ѳедоръ, схвативъ столикъ, подвинулъ его такъ неловко, что опрокинулъ бумаги на полъ и залилъ ихъ чернилами. — «Ну, братъ, Ѳедоровичъ, какую ты надѣлалъ кувыркъ-коллегію» — сказалъ спокойно Александръ, поднявъ самъ бумаги изъ опасенія, чтобъ его камердинеръ не испортилъ ихъ еще болѣе ([32]).

Императоръ Александръ, живя весною и лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, которое очень любилъ, велъ тамъ слѣдующій образъ жизни: проснувшись въ 7-мъ часу утра, онъ пилъ чай, всегда зеленый съ густыми сливками и съ поджаренными гренками, изъ бѣлаго хлѣба; затѣмъ одѣвшись, выходилъ въ садъ въ свою любимую аллею, изъ которой постоянно направлялся къ плотинѣ большаго озера, гдѣ обыкновенно ожидали его: главный садовникъ Лямпнъ и все птичье общество, обитавшее на птичьемъ дворѣ, близь этой плотины. Къ приходу государя птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ кормъ для птицъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣтствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, императоръ надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ самъ раздавать кормъ. Послѣ того дѣлалъ различныя распоряженія, относящіяся до сада и парка

и отправлялся въ дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ онъ возвращался во дворецъ и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую предпочиталъ всѣмъ прочимъ ягодамъ. Къ этому времени Лямпнъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по указанію государя, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, которыя занимали домики китайской деревни.

Послѣ того, государь, переодѣвшись, принималъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга и начальника своего главнаго штаба. Окончивъ свои занятія, въ 3-мъ часу онъ отправлялся въ Павловскъ къ своей матери императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и возвратясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда прогуливался или въ экипажѣ или верхомъ. Въ 9-мъ часу пилъ вечерній чай, послѣ котораго занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ 11-ть часовъ кушалъ, иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Затѣмъ раздѣвался и, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ, постоянно на лѣвомъ боку. Онъ спалъ всегда такимъ крѣпкимъ сномъ что шумъ и крикъ дежурнаго камердинера и лакея, прибиравшихъ обыкновенно въ спальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, ни мало не препятствовали его сну. Камердинеры его говорили, что какъ. только государь ложился въ постель и они укрывали его одѣя-

ломъ, то онъ мгновенно засыпалъ такъ, что хоть изъ пушекъ стрѣляй,—не услышитъ ([33]).

Изъ всѣхъ Петербургскихъ наводненій, самое бѣдственное было, какъ извѣстно, наводненіе 7-го ноября 1824 года. Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды въ Неву и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ, суда, животные, домашняя утварь, носились по улицамъ. Населеніе было въ страшной агоніи: видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще два часа, то городъ погибъ. Провидѣніе на этотъ разъ отклонило гибель. Вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе; вода убыла, но бѣдствія, которыя она оставила за собою, были огромны.

Императоръ Александръ, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько сбыла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ. Народъ обсту-

пилъ его съ воплемъ и рыданіемъ. — «За наши грѣхи Богъ насъ караетъ» — сказалъ кто-то изъ толпы. — «Нѣтъ, за *мои*» — отвѣчалъ съ грустью государь. Распорядившись о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, онъ отправился на Литейный заводъ, подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другаго рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе еще ожидали своего вѣчнаго помѣщенія. Государь оставался и тутъ нѣсколько времени. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который создало его мрачное воображеніе. Событіе это имѣло большое вліяніе на воспріимчивую душу Александра и, къ несчастію, не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье, которое не могло безъ ущерба выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ ([34]).

Задолго до 1812 года, императоръ Александръ, разговаривая о Наполеонѣ съ сестрой своей великой княгиней Маріей Павловной, сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt ou tard, l'un ou l'autre doit se retirer.» (Намъ обоимъ нѣтъ мѣста въ Европѣ: одному изъ

насъ, рано или поздно, должно отступить). Это доказываетъ, что народная русская война не была случайностью и государь давно носилъ въ себѣ предчувствіе ея неминуемости ([35]).

Передъ объявленіемъ войны Россіи, въ 1812 году, Наполеонъ отправилъ послу своему при Петербургскомъ дворѣ Коленкуру депешу, въ которой, между прочимъ, писалъ, «что французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время и что французская армія не будетъ усилена.» Получивъ эту депешу, Коленкуръ тотчасъ сообщилъ ее лично императору Александру. Государь, имѣя неоспоримыя доказательства, что Наполеонъ дѣятельно готовился къ войнѣ, отвѣчалъ на увѣренія Коленкура:—«Это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ посланникъ, но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то и я измѣню мое убѣжденіе». Такое прямое обращеніе къ честности благороднаго человѣка побѣдило скрытность дипломата: Коленкуръ всталъ, взялъ свою шляпу, почтительно поклонился государю и ушелъ, не сказавъ ни слова ([36]).

Отпуская, въ 1812 году, въ дѣйствующую армію военнаго агента англійскаго правительства, генерала Вильсона, императоръ Александръ при прощаніи ска-

залъ ему:—«Прошу васъ объявить всѣмъ отъ моего имени, что я не стану вести никакихъ переговоровъ съ Наполеономъ, пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ Россіи.... Лучше отрощу себѣ бороду по поясъ и буду питаться картофелемъ въ Сибири» ([37]).

Извѣстіе о занятіи французами Москвы было привезено въ Петербургъ состоявшимъ при дѣйствующей арміи полковникомъ Мишо. Императоръ Александръ, услышавъ скорбную вѣсть, сказалъ:

— Само Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь его волѣ. Но скажите: что говорили войска, оставляя безъ выстрѣла древнюю столицу. Не замѣтили-ли вы упадка въ ихъ духѣ?

— Позволите-ли мнѣ, какъ солдату, говорить вашему величеству откровенно? — отвѣчалъ Мишо.

— Я всегда требую откровенности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину.

— Государь, признаюсь я оставилъ армію отъ Кутузова до послѣдняго солдата въ неописанномъ страхѣ...

— Что вы говорите! Неужели русскіе сокрушены несчастіемъ?

— Нѣтъ, государь, они только боятся, чтобы вы, по добротѣ вашего сердца, не заключили мира; они го-

рятъ желаніемъ сразиться и доказать вамъ свою преданность.

— Вы облегчили мое сердце, — сказалъ государь, потрепавъ Мишо по плечу,—вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвину всѣ средства моей имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (при этихъ словахъ государь указалъ на свою грудь) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ, будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ. Не забудьте, что я вамъ теперь говорю; можетъ быть настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я, я, или онъ, — но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его. Онъ болѣе меня не обманетъ.

— Государь,—отвѣчалъ Мишо, — ваше величество подписываете въ эту минуту славу вашего народа и спасеніе Европы.

— Да исполнится предсказаніе ваше, — сказалъ

Александръ, — подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію.

Императоръ, разговаривая съ Мишо, замѣтилъ, что онъ былъ разстроенъ и огорченъ до глубины души. Александръ, не могшій равнодушно видѣть ничьей скорби, принялъ горячее участіе въ положеніи офицера, страдавшаго при исполненіи долга службы, и желая утѣшить его, написалъ фельдмаршалу Кутузову, чтобы онъ прислалъ Мишо съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ изъ арміи.

Исполняя волю государя, Кутузовъ отправилъ Мишо съ донесеніемъ о побѣдѣ при Тарутинѣ. На этотъ разъ счастливый вѣстникъ, объяснивъ императору подробности боя, доложилъ ему о желаніи войскъ, чтобы онъ лично принялъ надъ ними начальство.—«Присутствіе вашего величества сдѣлаетъ ихъ непобѣдимыми»—прибавилъ Мишо.

— Всѣ люди честолюбивы, — отвѣчалъ ему императоръ,—признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ, и если бы теперь увлекся этимъ чувствомъ, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемыя средства имперіи и направленіе, данное мною Дунайской арміи, я несомнѣнно увѣренъ, что мы побѣдимъ и что намъ, послѣ всего сдѣланнаго, остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то вся слава успѣха отнесется ко мнѣ и что я займу мѣсто въ исторіи. Но

когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ дѣлѣ въ сравненіи съ Наполеономъ и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь дѣтей моихъ, тогда, не смотря на мое честолюбіе, я охотно готовъ жертвовать личною славою для блага арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобъ онъ выгналъ непріятеля изъ Россіи ([38]).

Въ сраженіи при Кульмѣ былъ взятъ въ плѣнъ извѣстный своею жестокостью и безчеловѣчіемъ французскій генералъ Вандамъ (про котораго самъ Наполеонъ выразился однажды слѣдующимъ образомъ: «еслибъ у меня было два Вандама, то одного изъ нихъ я непремѣнно повѣсилъ бы»). Представленный императору Александру и опасаясь мщенія за совершенныя злодѣйства, Вандамъ сказалъ государю:— «Несчастіе быть побѣжденнымъ, но еще болѣе,—попасть въ плѣнъ; при всемъ томъ, считаю себя благополучнымъ, что нахожусь во власти и подъ покровительствомъ столь великодушнаго побѣдителя». Государь отвѣчалъ ему: — «Несомнѣвайтесь въ моемъ покровительствѣ. Вы будете отвезены въ такое мѣсто, гдѣ ни въ чемъ не почувствуете недостатка, кромѣ того, что у васъ будетъ отнята возможность дѣлать зло» ([39]).

Посылая флигель-адъютанта Орлова для переговоровъ о сдачѣ Парижа, въ 1814 году, императоръ Александръ сказалъ ему:—«De gré ou de force, au pas de charge ou au pas de parade; sur les decombres ou sous les lambris dorés, il faut que l'Europe couche aujourd' huit même a Paris».... (Волею или силою, на штыкахъ или парадным шагомъ, на развалинахъ, или въ золоченыхъ палатахъ,—надо, чтобы Европа ночевала сегодня въ Парижѣ) ([40]).

Во время торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, императоръ Александръ находился въ самомъ радостномъ настроеніи духа и весело шутилъ съ лицами своей свиты. А. П. Ермоловъ, вспоминая этотъ день, разсказывалъ, что государь подозвалъ его къ себѣ и указывая незамѣтно на ѣхавшаго о-бокъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга, сказалъ по русски:—«По милости этого толстяка не разъ ворочалась у меня подъ головою подушка»—и помолчавъ съ минуту спросилъ:

— Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простякомъ.

— Не знаю, государь,—отвѣчалъ Ермоловъ,—могу сказать только, что слова, которыя я удостоился слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному ([41]).

Вступая въ Парижъ, на радостныя привѣтствія народа и крики: «да здравствуетъ императоръ Александръ!», государь отвѣчалъ: –«Да здравствуетъ миръ! Я вступаю не врагомъ вашимъ, а чтобы возвратить вамъ спокойствіе и свободу торговли».—«Мы уже давно ждали прибытія вашего величества» — сказалъ одинъ изъ французовъ. — «Я пришелъ бы ранѣе къ вамъ,— возразилъ Александръ, — но меня задержала храбрость вашихъ войскъ» ([42]).

Когда, по занятіи союзными войсками Парижа, французскій сенатъ объявилъ (21 марта 1814 г.) императора Наполеона и всѣхъ лицъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи, Наполеонъ, находившійся въ Фонтенбло, прислалъ къ императору Александру, съ цѣлью склонить его въ свою пользу, бывшаго французскаго посла въ Петербургѣ, Коленкура. Государь принялъ благосклонно сановника, оставшагося преданнымъ и въ несчастіи своему властителю, но остался непоколебимъ въ намѣреніи не мириться съ Наполеономъ.—«Я не питаю никакой ненависти къ Наполеону, — сказалъ Александръ, — онъ несчастливъ и этого довольно, чтобъ я позабылъ зло, сдѣланное имъ Россіи. Но Франція, Европа, имѣютъ нужду въ мирѣ и не могутъ пользоваться имъ при Наполеонѣ. Пусть онъ требуетъ, что пожелаетъ, собственно для себя. Если бы онъ согласился удалиться въ мои владѣнія, то нашелъ бы тамъ щедрое, и, что еще лучше, радушное

гостепріимство. Мы дали бы великій примѣръ свѣту,— я—предложивъ, а Наполеонъ,—принявъ это убѣжище. Но мы не можемъ съ нимъ вести переговоровъ ни о чемъ, кромѣ его отреченія отъ престола» ([43]).

Проѣзжая мимо Вандомской колонны въ Парижѣ и взглянувъ на колосальную статую Наполеона, воздвигнутую на ней, императоръ Александръ сказалъ:— «Еслибъ я стоялъ такъ высоко, то боялся бы, чтобъ у меня не закружилась голова» ([44]).

По окончаніи большаго смотра русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Парижа, императоръ Александръ возвращался въ городъ въ каретѣ. Кучеръ его, французъ, по неосторожности, задѣлъ коляску частнаго человѣка, сломалъ ее и опрокинулъ. Государь тотчасъ вышелъ изъ кареты, поднялъ хозяина коляски, извинился передъ нимъ и спросилъ его фамилію и адресъ. Вечеромъ онъ отправилъ къ нему дежурнаго адъютанта узнать о здоровьи, а на другой день прислалъ въ подарокъ богатый перстень, новую коляску и прекрасную лошадь, приказавъ вторично просить извиненія въ случившемся ([45]).

Въ сраженіи при Монмартрѣ особенно отличился находившійся въ русской службѣ генералъ графъ Ланже-

ронъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, на обѣдѣ, къ которому былъ приглашенъ и Ланжеронъ, императоръ Александръ обратился къ графу и сказалъ:—«Я не давно осматривалъ высоты Монмартра и нашелъ тамъ запечатанный конвертъ на ваше имя».—Ланжеронъ отвѣчалъ, что ничего не терялъ.—«Однако, я, кажется, не ошибся»—возразилъ государь, и, вынувъ изъ кармана пакетъ, подалъ ему, прибавивъ: «посмотрите». Взявъ пакетъ, Ланжеронъ съ удивленіемъ увидѣлъ что онъ, дѣйствительно, адрессованъ на его имя. Можно судить о его радости когда, распечатавъ пакетъ, онъ нашелъ въ немъ орденъ св. Андрея Первозваннаго ([46]).

Отправляя графа Шувалова (въ 1814 г.) въ качествѣ русскаго комиссара для сопровожденія отрекшагося отъ престола Наполеона на островъ Эльбу, императоръ Александръ сказалъ ему при прощаніи:—«Я довѣряю вамъ важную обязанность: вы будете строго отвѣчать за каждый волосъ, упавшій съ головы Наполеона» ([47]).

Въ 1813 году, во время пребыванія въ Дрезденѣ, государь, по обыкновенію, совершалъ свои прогулки по городу пѣшкомъ, одинъ, безъ всякой свиты. Одна крестьянка, увидѣвъ его прогуливающимся такимъ обра-

зомъ, въ изумленіи сказала:—«Смотрите-ка! вѣдь это русскій императоръ идетъ одинъ! Право, видно, у него чистая совѣсть» ([48]).

Въ 1814 году, во время пребыванія императора Александра въ Лондонѣ, во всемъ блескѣ озарившей его славы, тамъ находились знаменитые филантропы — квакеры Грелье и Алленъ. На одномъ изъ митинговъ общества квакеровъ или, какъ они себя называли, «друзей», Грелье предложилъ, пользуясь предстоявшимъ тогда прибытіемъ союзныхъ монарховъ, внушить имъ, что «царство Христа есть царство міра». Эта мысль была встрѣчена «друзьями» съ большимъ сочувствіемъ. Какъ только государи пріѣхали въ Лондонъ, квакеры немедленно составили адресъ и назначили депутацію «на случай еслибъ среди лести, которой монархи внимали ежедневно, имъ вздумалось на минуту выслушать голосъ истины». Депутація состоявшая изъ четырехъ членовъ, въ числѣ которыхъ были Грелье и Алленъ, сперва отправились къ королю прусскому и въ отвѣтъ на свой адресъ услышала отъ него, что въ его владѣніяхъ есть нѣсколько квакеровъ, что это прекрасные люди; что же касается войны, то она необходима для достиженія мира. Вообще, квакеры остались недовольны вѣжливымъ, но холоднымъ пріемомъ Фридриха-Вильгельма.

— Совсѣмъ инымъ образомъ принялъ насъ другой, болѣе великій человѣкъ и государь—говорили «друзья»

посѣтивъ императора Александра. Государь въ сопровожденіи сестры своей великой княгини Екатерины Павловны, молодаго сына ея герцога Ольденбургскаго и другихъ лицъ, предупредивъ депутацію квакеровъ, неожиданно появился на ихъ митингѣ, присутствовалъ при богослуженіи «друзей», и уходя пожалъ руки ближайшимъ изъ нихъ.

Два дня спустя, депутаты общества прибыли, какъ имъ было назначено, въ отель Пультеней, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе императоръ, для представленія ему своего адресса. Александръ принялъ ихъ весьма ласково, пожимая имъ дружески руки, и тотчасъ сталъ распрашивать ихъ о религіозныхъ ихъ мнѣніяхъ, богослуженіи и другихъ предметахъ. При объясненіи основныхъ началъ общества Алленомъ, государь нѣсколько разъ повторялъ: — «Я думаю также».—«Служеніе Богу, — продолжалъ онъ, — должно быть духовно; внѣшнія же формы имѣютъ важность второстепенную. Я самъ молюсь каждый день не въ формѣ словъ, но сообразно тому, какъ представляются мнѣ тогда мои нужды. Прежде я держался словъ, но слова часто были неприложимы къ состоянію моего духа». Квакеры говорили о войнѣ, какъ о беззаконномъ дѣлѣ, о рабствѣ людей, противъ котораго они постоянно боролись, о народныхъ школахъ. Когда же Грелье осмѣлился завести рѣчь объ отвѣтственности государя столь обширной страны, какова Россія, на глазахъ Александра показались слезы; онъ взялъ квакера за руку своими обоими руками и сказалъ:—«Ваши слова долго останутся напе-

5

чатленными въ моемъ сердцѣ». Государь увѣрялъ депутатовъ, что онъ согласенъ съ большею частью ихъ убѣжденій и что, не смотря на свое исключительное положеніе, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу. Прощаясь съ квакерами, Александръ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію и нѣсколько разъ повторилъ: «Если кто изъ васъ отправится въ мою страну по религіознымъ дѣламъ, пусть не ждетъ представленія, а приходитъ прямо ко мнѣ. Я буду радъ видѣть его. Разстаюсь съ вами, какъ другъ и братъ» ([49]).

Канцлеръ Оксфордскаго университета, лордъ Гренвиль, поднесъ императору Александру при посѣщеніи имъ университета дипломъ на званіе «доктора правъ».

— Какъ мнѣ принять сей дипломъ,—сказалъ государь,—я не держалъ диспута.

— Ваше величество,—отвѣчалъ канцлеръ,—вы выдержали такой диступъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдерживалъ ни одинъ докторъ правъ на всемъ свѣтѣ ([50]).

Осматривая, въ 1814 году, въ Гарлемѣ, достопримѣчательности этого города, императоръ Александръ остановился у модели гранитнаго камня, служащаго подножіемъ помятнику Петру Великому въ Петербургѣ.

При этомъ, сопровождавшій монарха профессоръ Ланге сказалъ ему:

— Государь! Наше общество гордится, видя въ средѣ своей героя, которому человѣчество съ довѣріемъ даетъ названіе Марка-Аврелія, а религія,— благословеннаго.

— Маркъ-Аврелій,— отвѣчалъ Александръ,— можетъ служить хорошимъ примѣромъ властителямъ, но я не могу съ нимъ равняться, а только стараюсь подражать ему ([51]).

Въ бытность свою въ Амстердамѣ, въ 1814 году, императоръ Александръ, встававшій обыкновенно весьма рано и прогуливавшійся по городу въ статскомъ платьѣ, зашелъ въ девятомъ часу утра къ купцу Кесвельту, у котораго пожелалъ видѣть принадлежавшую ему знаменитую картинную галлерею. Когда одинъ изъ сопровождавшихъ государя мѣстныхъ жителей замѣтилъ, что онъ встаетъ очень рано, не давъ себѣ достаточнаго отдыха, императоръ отвѣчалъ, что привыкъ къ этому въ военное время.—«Правда,—прибавилъ онъ,—что я купилъ эту привычку дорогою цѣною и надѣюсь впредь не имѣть въ томъ нужды, но продолжаю вставать рано за тѣмъ, что выигрываю такимъ образомъ ежедневно по нѣсколько часовъ» ([52]).

Въ 1818 году, бесѣдуя съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, императоръ Александръ сказалъ ему:—«Им-

ператрица Екатерина была умная, великая женщина, но что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петербургскомъ дворѣ было — какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту и мою душу томило какое-то неясное предчувствіе. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу; судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ намъ его Святое Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ его волю и его законъ, и во мнѣ зрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе его имени и славѣ» ([53]).

Въ 1816 году, находясь въ Кіевѣ, императоръ Александръ послалъ сказать извѣстному въ то время по святости своей жизни схимнику Вассіану, что вечеромъ въ восемь часовъ его намѣренъ посѣтить князь Волконскій. Въ назначенный часъ ожидаемый гость тихо вошелъ въ келью слѣпаго старца и сталъ говорить съ нимъ. Вассіанъ спросилъ гостя: женатъ-ли онъ? имѣетъ-ли дѣтей? давно-ли служитъ государю?—«Благодареніе Господу Богу,—продолжалъ схимникъ,—что государь удостоилъ и Кіевъ и Лавру своимъ посѣщеніемъ. Онъ вчера въ Лаврѣ всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостію».

— Да онъ здѣсь—сказалъ посѣтитель.

— Въ Кіевѣ?—спросилъ Вассіанъ.

— Онъ у васъ,—отвѣчалъ Александръ, — благо-

словите меня! Еще въ Петербургѣ я наслышался о васъ и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня.

Вассіанъ хотѣлъ поклониться въ ноги царю, но Александръ не допустилъ его до этого, поцаловалъ его руку, говоря:

— Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе и христіанинъ; исповѣдуйте меня и такъ, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ.

Послѣ исповѣди и долгой бесѣды, государь пожелалъ знать, кто въ Лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія и когда схимникъ назвалъ намѣстника, іеромонаха Антонія, приказалъ послушнику позвать намѣстника, будто-бы къ князю Волконскому, ожидающему его у Вассіана. Когда же Антоній, узнавъ государя, хотѣлъ отдать ему должную честь, Александръ удержалъ его, сказавъ:

— Благословите какъ священникъ и обходитесь со мной какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію, потому что всѣ дѣла мои и вся слава принадлежитъ не мнѣ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе.

Только въ полночь государь вышелъ отъ Вассіана, запретивъ намѣстнику провожать себя, а на другой день послалъ ему и Вассіану по брилліантовому кресту ([54]).

Во время пребыванія своего въ Брянскѣ, въ 1823 году, императоръ Александръ, возвратясь съ осмотра города, замѣтилъ у крыльца занимаемаго имъ дома восьмидесяти-пятилѣтняго старика въ отличномъ отъ другихъ нарядѣ. Государь тотчасъ же велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Откуда вы?—спросилъ онъ старика.

— Вашего императорскаго величества вѣрноподданный, Черниговской губерніи, Мглинскаго повѣта, житель Василій Брешковъ.

— За чѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Нарочно пріѣхалъ узрѣть священную особу вашего императорскаго величества, отдать должный мой поклонъ и сказать: «Нынѣ отпущаеши раба твоего Владыко».

— Очень хорошо. Но не имѣете-ли ко мнѣ какого дѣла?

Брешковъ объяснилъ, что онъ съ родственниками давно уже отыскиваетъ потерянное предками ихъ дворянство, что по этому дѣлу въ Петербургѣ живетъ его племянникъ и терпитъ тамъ разныя притѣсненія.

— Я не забуду васъ,—сказалъ государь, -пишите къ своему племяннику, чтобъ онъ явился ко мнѣ, когда я вернусь въ Петербургъ. Этотъ кафтанъ у васъ вѣрно очень древенъ?

— Ему сто тринадцать лѣтъ; онъ пожалованъ предкомъ вашего величества великимъ государемъ императоромъ Петромъ Первымъ.

— По какому случаю?

— При взятіи Юнгеръ-Гофской крѣпости подъ Ригою.

— Какое тяжелое и крѣпкое сукно! И сколько лѣтъ! сказалъ государь, пощупавъ полу кафтана. За тѣмъ, положивъ обѣ руки на плечи старика, прибавилъ: — Оставайтесь покойны и если будете имѣть какую нужду, пишите ко мнѣ прямо: государю императору Александру I въ собственныя руки. Я васъ не забуду.

Дѣйствительно, государь не забылъ Брешкова и, по возвращеніи въ Петербургъ, разсмотрѣлъ его дѣло и найдя его справедливымъ, рѣшилъ въ его пользу ([55]).

Въ 1819 году, лѣтомъ, императоръ Александръ посѣтилъ сѣверныя области имперіи и Финляндію. Можно представить себѣ, съ какимъ восторгомъ встрѣчали его жители этихъ отдаленныхъ областей, никогда еще неимѣвшіе счастія видѣть своего монарха.

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 22-го іюля и 26-го числа прибылъ въ Каргополь, оттуда поѣхалъ въ Архангельскъ и, подробно осмотрѣвъ городъ и всѣ его заведенія, возвратился 3-го августа обратно въ Каргополь. О двукратномъ посѣщеніи имъ этого города сохранился любопытный разсказъ вдовы каргопольскаго купца Е. Д. Вишняковой, записанный съ ея словъ В. В. Немепскимъ и напечатанный имъ въ историческомъ сборникѣ «Древняя и Новая Россія» 1875 г. № 9. Приводимъ здѣсь этотъ разсказъ:

«Какъ скоро извѣстно стало о проѣздѣ чрезъ Кар-

гополь на Архангельскъ государя, вездѣ стали производиться поправки и улучшенія дорогъ и зданій, особенно видныхъ съ пути слѣдованія государя; гдѣ назначены были остановки и ночлеги, вездѣ приготовлялись квартиры. Въ Каргополѣ были, на случай, приготовлены двѣ квартиры, изъ которыхъ одна въ домѣ тогдашняго градскаго головы, но государю, неизвѣстно почему, угодно было остановиться въ нашемъ домѣ.

«Около 2 часовъ по-полудни, 26 іюля 1819 г., государь прибылъ въ Каргополь и прямо подъѣхалъ къ собору, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ города. Что происходило въ соборѣ я не знаю, намъ тогда было не до того; мы бѣгали, хлопотали и приготовлялись какъ встрѣтить, да и послѣ не удалось разузнать, а можетъ и спрашивала, но теперь позабыла и не помню.

«Изъ собора государь пѣшкомъ прошелъ до нашего дома (разстояніе до 100 саженъ); народу такъ было много, что отъ собора и до самаго крыльца образовались двѣ живыя стѣны, между которыми и проходилъ государь съ министромъ двора, княземъ П. М. Волконскимъ. Народъ со всѣхъ сторонъ восторженно привѣтствовалъ его оглушительнымъ «ура». День былъ теплый и прекрасный.

Алексѣй Андреевичъ, купецъ, деверь мой, хозяинъ дома, встрѣтилъ государя въ воротахъ, я и Пелагея Андреевна (сестра Алексѣя Андреевича), моя золовка, стояли на нижней площадкѣ крыльца. Семейство наше хотя и было тогда большое, но всѣ жили въ разныхъ

мѣстахъ, а жена Алексѣя Андреевича была въ Вытегрѣ, на родинѣ, откуда взята. Государь, проходя мимо насъ, сдѣлалъ подъ козырекъ, но шелъ, не останавливаясь, очень скоро; Алексѣй Андреевичъ поддерживалъ его подъ рѵ̀ку.

Поднявшись во второй этажъ, государь вошелъ въ назначенные ему покои; проходя по нимъ, запиралъ за собою всѣ двери; такимъ образомъ, дошелъ до спальни, въ которую также заперъ дверь. Спустя нѣсколько времени, онъ вышелъ изъ спальни въ зало и началъ говорить съ Алексѣемъ Андреевичемъ, спрашивая: каково каргопольское общество, велико ли оно, много ли у общества имѣется капиталовъ, какого рода главная промышленность жителей? Алексѣй Андреевичъ смутился, и только отвѣчалъ на каждый вопросъ государя, что и какъ тогда было. Про промышленность и торговлю Каргополя сказалъ, что купцы здѣшніе занимаются поставкою льна въ С.-Петербургъ для англійской компаніи, ѣздятъ къ Макарью на ярмарку и въ Ирбитъ, гдѣ заготовляютъ разный пушной товаръ, который потомъ и отвозятъ въ С.-Петербургъ, а бѣлка остается въ Каргополѣ, обдѣлывается жителями въ мѣха, которые и отвозятъ потомъ въ Петербургъ, или же къ Макарью. Разговаривая съ государемъ, Алексѣй Андреевичъ былъ весьма блѣденъ и голосъ его дрожалъ. Во время этого разговора вошелъ городской голова и поднесъ государю хлѣбъ-соль отъ города. Государь ласково принялъ хлѣбъ-соль, благодарилъ и началъ распрашивать голову про общество и городъ, почти тоже самое, что и у Алексѣя

Андреевича. По уходѣ головы, государь, обратившись къ Алексѣю Андреевичу, спросилъ:—«Вѣрно вы хозяинъ этого дома?»—«Точно такъ, ваше императорское величество,—отвѣчалъ Алексѣй Андреевичъ—я хозяинъ дома».—«А если вы хозяинъ дома,—сказалъ опять государь,—такъ мнѣ надобно познакомиться съ вами»—и поцѣловалъ Алексѣя Андреевича. Какъ бы отъ прикосновенія электричества, блѣдность мгновенно исчезла съ лица Алексѣя Андреевича и по немъ разлился яркій румянецъ.

«Во все время разговора, я и золовка моя стояли позади разговаривающихъ, тутъ-же въ залѣ. Поцѣловавъ Алексѣя Андреевича, государь обратился къ намъ, и, указывая на насъ Алексѣю Андреевичу рукою, какъ-бы спрашивалъ; кто мы? Показавъ на меня, Алексѣй Андреевичъ сказалъ:—«это жена брата моего и невѣстка моя, а это—показывая на Пелагею Андреевну,—сестра моя».—Государь подошелъ къ намъ, поцѣловалъ у обоихъ насъ руки и прошелъ далѣе, мимо насъ, по комнатамъ; что сталось тогда съ нами, мы не могли понять, такъ велика и неожиданна была честь, оказанная намъ государемъ. Прошедши по всѣмъ комнатамъ, государь возвратился обратно въ свою спальню. Черезъ нѣсколько времени, по уходѣ государя изъ зала, вошелъ камердинеръ и сказалъ:—«Государю угодно теперь ѣхать въ мужской монастырь, приготовьте экипажъ и лошадей»—Алексѣй Андреевичъ отвѣчалъ, что—лошади и экипажи готовы, но на чемъ государю угодно ѣхать, въ колескѣ-ли на парѣ лошадей, или на дрожкахъ, за-

пряженныхъ въ одну лошадь? — камердинеръ пошелъ спросить государя и, возвратившись, сказалъ: — «Государь велѣлъ подать ординарца». — Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ и государь, совсѣмъ готовый ѣхать, сошелъ съ крыльца и сѣлъ на поданныя ему дрожки. Дрожки имѣли тогда такое устройство, что сидѣвшій на нихъ долженъ былъ положить одну ногу на одну сторону дрожекъ, а другую — по другую сторону ихъ. У насъ были тогда только что выписаны новыя дрожки за 800 рублей ассигнаціями.

«Не забуду я при этомъ случай, который теперь не кажется особеннымъ, но тогда произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ: съ самаго пріѣзда государя, народъ сплошною массою наполнялъ весь дворъ, улица, окна, крыши сосѣднихъ домовъ. Какъ только государь сѣлъ въ дрожки и кучеръ пошевелилъ возжами, лошадь вдругъ начала подниматься на дыбы. Народъ, стоявшій по ту и другую сторону, отхлынулъ назадъ, думая, что лошадь бросится въ сторону; но она сама собою тихо опустилась на ноги и потомъ пошла, какъ слѣдуетъ быть. Народъ въ одинъ голосъ заговорилъ: «и лошадь-то будто разумѣетъ, что батюшку царя повозитъ».

«Проѣзжая мимо валушекъ, государь обратилъ свое вниманіе на находящуюся на валахъ пушку и спросилъ: что это за пушка. Нѣкоторые изъ ожидавшихъ здѣсь проѣзда удостоились счастія неожиданно объяснять царю и сказали: пушка эта осталась должно быть послѣ 1612 года; когда непріятели Россіи, бывшіе подъ Москвою, разсѣялись по разнымъ областямъ, то нѣкоторые

подходили и къ Каргополю; но мужественно были отбиты каргопольцами, выдержавшими и продолжительную осаду.

«Подъѣхавъ къ монастырскому наплывному мосту чрезъ р. Онегу, соединяющему городъ съ монастыремъ, на протяженіи 150 саж., государь сошелъ съ дрожекъ и, сбросивъ на нихъ свою шинель, пошелъ по мосту пѣшкомъ. Бѣжавшій за царскими дрожками старшина одной изъ подгородныхъ волостей, Пайковъ, взялъ съ дрожекъ шинель и пошелъ вслѣдъ за государемъ. Замѣтивъ это, императоръ спросилъ: «кто вы?» Пайковъ отвѣтилъ: «старшина сельскій, поставляю, вмѣстѣ съ каргопольскими купцами, всякій вообще провіантъ на депо (подъ словомъ «депо» разскащица разумѣетъ войска, временно стоявшія въ то время близъ города въ лагерѣ, а зимою въ окрестностяхъ города, въ составѣ 3000 человѣкъ).—«Всегда ли хорошій провіантъ представляете?»—снова спросилъ государь.—«Всегда хорошій, ваше величество»,—отвѣчалъ Пайковъ.—«Ну, а какую награду за то получили?»—опять спросилъ императоръ. — «Награды никакой не получали,» — отвѣчалъ Пайковъ,—а была объявлена всѣмъ купцамъ отъ начальства благодарность и мнѣ вмѣстѣ съ ними».—«Поди же на мою квартиру,—заключилъ государь,—и скажи записать, по моему приказанію, свое имя и фамилію».—Пайковъ исполнилъ и въ томъ же году ему была прислана царская награда: суконный кафтанъ съ золотыми часами, бистями и позументами.

«Сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ на-

рода, при звонѣ колоколовъ всѣхъ градскихъ и монастырскихъ церквей, государь прошелъ монастырскій мостъ и на другомъ берегу рѣки встрѣченъ былъ съ крестнымъ ходомъ, братіею монастыря; настоятеля тогда не было, а за него выходилъ, какъ старшій въ монастырѣ, жившій тамъ схимникъ; отошедши нѣсколко отъ братіи, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, онъ, при приближеніи государя, сталъ на колѣни и хотѣлъ было поклониться до земли, но государь не далъ ему исполнить этого и, поднимая, сказалъ: — «Грѣшишь отецъ, не тебѣ, а мнѣ предъ тобою съ крестомъ и евангеліемъ кланяться должно!»—Перекрестившись, государь поцѣловалъ крестъ и евангеліе и выразилъ желаніе, чтобы его проводили въ церковь.

«Проходя по наплавному мосту, государь замѣтилъ половину, прилегающую къ берегу монастыря, ветхою и огрузлою, и спросилъ: — кто владѣетъ мостомъ? — и получивъ въ отвѣтъ, что мостъ этотъ монастырскій, имѣлъ разговоръ о правахъ монастыря съ предстоявшимъ за настоятеля, который имѣлъ счастіе докладывать, что на устройство новаго моста приготовляется уже лѣсъ, но за неимѣніемъ средствъ, нѣтъ возможности приступить къ перестройкѣ. Государь изъявилъ соизволеніе о милостивомъ пособіи въ этой нуждѣ монастырю. Осмотрѣвши церковь и весь монастырь, государь возвратился въ городъ.

«Въ первыхъ мѣсяцахъ 1820 года монастырю присланы были пожалованные императоромъ 500 руб., чтобы выстроить мостъ.

«Какъ только государь уѣхалъ въ монастырь,—я пошла въ нижній этажъ, гдѣ занималъ комнаты князь Волконскій, и, вошедши къ нему, спросила:—«Чѣмъ просить государя, когда онъ возвратится изъ монастыря?»—князь отвѣчалъ:—«Государь любитъ зеленый чай и вы теперь приготовьте ему чаю и оршаду».—Пріѣхавши изъ монастыря, государь не пошелъ въ покои, а подойдя къ намъ, вышедшимъ его встрѣчать, и, сдѣлавъ подъ козырекъ, сказалъ:—«На обратномъ пути изъ Архангельска я надѣюсь быть у васъ опять на квартирѣ и надѣюсь имѣть удовольствіе видѣться съ вами тогда еще, а теперь прощайте».—Но какъ царскіе его и свиты его экипажи стояли уже на улицѣ предъ нашимъ домомъ, совсѣмъ готовыми въ дорогу, то государь, простившись съ нами, пошелъ къ нимъ пѣшкомъ. Въ воротахъ стояла одна купчиха въ богатомъ русскомъ нарядѣ того времени; проходя, мимо ея, государь обратилъ свое вниманіе на ея нарядъ, пристально осмотрѣвъ его и взявъ своими руками за обѣ ея косицы, бережно повернулъ ея голову въ одну, а потомъ въ другую сторону, и спросилъ:—«Это жемчугъ у тебя?»—«Жемчугъ ваше царское величество, жемчужный кокошникъ весь»—отвѣчала купчиха

«Затѣмъ, государь сѣлъ въ экипажъ и отбылъ изъ Каргополя, направляясь въ Архангельскъ На пути слѣдованія его въ Архангельскъ и обратно, въ селахъ и деревняхъ, женщины и дѣвицы подносили ему ягоды, за что получали не рѣдко деньги и всегда имѣли счастіе слышать отъ самаго его величества царское спасибо.

«3-го августа, около 7 часовъ вечера, государь возвратился въ Каргополь и прямо подъѣхалъ къ нашему дому. Алексѣй Андреевичъ и мы стояли на площадкѣ парадной лѣстницы. Проходя мимо насъ, государь спросилъ:—Здоровы ли вы?—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, также скоро, какъ и въ первый разъ прошелъ въ свои покои.

«Алексѣй Андреевичъ пошелъ въ нижній этажъ съ княземъ Волконскимъ и былъ тамъ довольно долго, а я и Пелагея Андреевна пошли вверхъ. Не много времени спустя, вышелъ въ залу и государь и, поцѣловавъ у обѣихъ насъ руки, началъ разсказывать, что онъ остался весьма доволенъ и поѣздкою въ Архангельскъ и природою архангельскою и самымъ народомъ.—«Въ Петербургѣ у насъ,—сказалъ государь,—весьма теперь жарко и душно, такъ что многія растенія увядаютъ, а въ Архангельскѣ, что за пріятная свѣжесть, что за здоровый воздухъ!»—Потомъ государь началъ разспрашивать насъ о нашемъ семействѣ и мы отвѣчали на его разспросы, при чемъ онъ неоднократно говорилъ намъ: — говорите громче! *)—Говорилъ онъ съ нами долго и много и затѣмъ снова ушелъ въ свои покои.

«Часа чрезъ полтора вышелъ адъютантъ и сказалъ, что государю угодно пить съ хозяевами чай. Надобно замѣтить, что у насъ былъ прежде серебряный самоваръ, но мы его отдали въ приданное за Татьяной Андреевной, вышедшей за купца Урываева, а потому я

*) Императоръ Александръ, какъ извѣстно, былъ тугъ на ухо.

хотѣла послать за нимъ, но адъютантъ сказалъ: «это излишне; государь сказалъ, что хочетъ кушать съ вами чай по домашнему, какъ у васъ обыкновенно водится».

«Только лишь поданъ былъ самоваръ, пришелъ и государь кушать чай (и опять поцѣловалъ у насъ руки). Чайный столъ приготовленъ былъ у окна, къ которому, кто могъ, подмостился, чтобы лучше было видно государя и тутъ только повѣрили, что государь цѣловалъ у насъ руки, когда сами увидѣли. Мы просили его садиться, но государь показалъ мѣсто сперва Пелагеѣ Андреевнѣ для наливанія чая, а мнѣ противъ нея; самъ-же сѣлъ по срединѣ и спросилъ:—гдѣ хозяинъ? Мы отвѣчали:—въ низахъ, у князя Волконскаго.—Почти въ тоже время, какъ мы о немъ говорили, пришелъ и Алексѣй Андреевичъ и государь показалъ ему мѣсто рядомъ съ собою и, во все время, пока пили чай, выспрашивалъ у него съ большими подробностями о климатѣ, произведеніяхъ природы и о поѣздкахъ на ярмарки.

«Напившись чаю, государь поблагодарилъ за угощеніе, поцѣловалъ у насъ руки и, пожелавъ намъ спокойной ночи, пошелъ въ спальню. У насъ была приготовлена и собрана на столъ закуска, но государь, отпробовавъ нѣсколько, велѣлъ подать изъ своего запаса кушанье англійскаго приготовленія.

«По утру, лишь только государь всталъ отъ сна, пришелъ къ князю Волконскому купецъ Коносовъ и просилъ передать государю свое желаніе, чтобы госу-

дарь пожаловалъ на освященіе устроеннаго имъ Засимо-Савватіевскаго храма, имѣющее быть 4-го августа. Когда Волконскій передалъ государю желаніе Коносова, государь отвѣчалъ:—«Передайте отъ меня благодарность Коносову. Я очень-бы радъ его просьбу исполнить, но не могу измѣнить маршрута. Освященіе храма пройдетъ, быть можетъ, до 2-хъ часовъ, а мнѣ къ этому времени далеко уже должно быть».

«Была приготовлена у насъ утренняя закуска. но государь сказалъ:—«Я не могу теперь кушать ничего, благодарю!»

«Вслѣдъ за симъ онъ прислалъ черезъ адъютанта своего намъ подарки: Алексѣю Андреевичу перстень, а мнѣ и Пелагеѣ Андреевнѣ по фермуару. Экипажи были уже поданы, и государь вышелъ въ зало, готовый въ путь. Мы поблагодарили его за подарки и онъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, сказалъ прощальное привѣтствіе:—«Прошу меня любить и помнить, а я очень радъ, что съ вами познакомился».—Потомъ поцѣловалъ у меня и Пелагеи Андреевны руки, поклонился всѣмъ намъ и отправился въ путь.

«Выѣзжая за городъ. государь пожелалъ еще разъ взглянуть на Каргополь и, увидавши женскій монастырь, приказалъ ѣхать туда; былъ тамъ очень недолго, потому что его тамъ не ожидали и всѣ были въ сильномъ разстройствѣ, вслѣдствіе пожара, бывшаго не задолго предъ тѣмъ; такъ что говорятъ и сама настоятельница игумена Павла явилась предъ нимъ не въ монашеской

одеждѣ: такъ сильно растерялись всѣ, завидѣвъ нечаянный царскій пріѣздъ».

Изъ Каргополя, императоръ Александръ проѣхалъ въ Олонецкъ и Сердоболь и затѣмъ въ Валаамскій монастырь. Государь отправился въ обитель на лодкѣ, не взявъ съ собой никого кромѣ камердинера и прибывшаго для встрѣчи его въ Сердоболь эконома монастыря іеромонаха Арсенія. Поздно вечеромъ, 10-го августа, (послѣ трехъ часоваго переѣзда черезъ озеро, болѣе 30 верстъ отъ Сердоболя до Валаама) августѣйшій посѣтитель благополучно прибылъ къ пристани монастырской. Когда государь съ экономомъ уже всходили на гору, по гранитной лѣстницѣ, въ монастырѣ узнали о пріѣздѣ императора, затрезвонили во всѣ колокола и братія начала сходиться со всѣхъ сторонъ къ собору. Государь стоялъ на церковномъ крыльцѣ и внимательно смотрѣлъ на монаховъ, поспѣшавшихъ другъ предъ другомъ. По приготовленіи всего въ соборѣ, клиросные запѣли. «Спаси Господи» и «Достойно есть».—Войдя въ соборъ, государь сталъ на серединѣ, игуменъ былъ въ ризѣ и со крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ; при отворенныхъ царскихъ вратахъ возгласили эктенію и многолѣтіе, послѣ котораго императоръ изволилъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ. Снявъ съ себя ризы, игуменъ сталъ за амвономъ съ братіею; государь подошелъ къ нему, принялъ благословеніе, сперва отъ него, а потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая, за тѣмъ кланялся всей братіи и когда, пораженные смиреніемъ государя и благодаря

его за милостивое посѣщеніе, всѣ поклонились въ землю, онъ сказалъ кротко,—«что бы ему никто не кланялся поклоненіемъ въ землю, подобающимъ лишь Богу!»—Осмотря соборъ, государь выразился:—«соборъ у васъ прекрасный.»—Потомъ въ сопровожденіи всей братіи пошелъ въ церковь преподобныхъ,—гдѣ приложился къ ракѣ надъ св. мощами, а оттуда отправился въ кельи игумена; здѣсь пилъ чай, пригласивъ игумена сѣсть; старшая братія стояли кругомъ. Въ простой рѣчи отъ сердца, настоятель благодарилъ императора за посѣщеніе обители, а государь отвѣчалъ ему,—«что давно уже хотѣлъ побывать въ Валаамскомъ монастырѣ, но не находилъ случая», разспрашивалъ о древности обители, о порядкѣ службы церковной и часахъ, когда она совершается. Благочинный (іеромонахъ Дамаскинъ) отвѣчалъ на всѣ вопросы подробно, и спрашивалъ: въ какіе часы повелѣно будетъ начинать каждую службу во время пребыванія государя, а также не оставить ли положенныхъ чтеній для сокращенія?—Государь требовалъ, чтобы все было исполняемо неизмѣнно, по положенію.—Чрезъ нѣсколько времени императоръ пожелалъ идти отдохнуть и, въ сопровожденіи игумена и старшей братіи, отправился въ гостинный покой.

На другой день (11-го числа) въ 2 часа пополуночи императоръ прежде всѣхъ пришелъ къ утрени, когда пономарь едва успѣлъ отпереть церковныя двери. Внимательно слѣдя за всѣмъ и слушая всю службу, во время сѣдальныхъ государь садился вмѣстѣ съ братіею на скамью.—Вскорѣ послѣ утрени государь пришелъ и

къ ранней обѣднѣ, въ церковь св. Петра и Павла, простоялъ всю службу и во время антидора принялъ поднесенную благочинным на блюдѣ вынутую просфору и откушалъ не много теплоты. Послѣ обѣдни, провождаемый игуменомъ и старшею братіею до покоевъ, объявилъ, отпуская ихъ, что «чрезъ часъ намѣренъ идти вокругъ монастыря и осмотрѣть мѣстность».

Въ означенное время, игуменъ, казначей, благочинный и экономъ ожидали выхода государя.

Первоначально онъ пошелъ на берегъ, съ котораго обозрѣвалъ мѣстоположеніе кругомъ и сказалъ:—«видъ вашего монастыря прекрасный». — Потомъ былъ въ больничной церкви и обошелъ всю больницу, привѣтствуя больныхъ братій; оттуда перешелъ въ теплую церковь Успенія Божіей Матери, гдѣ осмотрѣлъ иконостасъ, алтарь и приложился къ св. иконѣ Смоленской Божіей Матери. Отсюда, съ игуменомъ, благочиннымъ и экономомъ, отправился въ пустыни; сперва въ трехъ ближнихъ разговаривалъ съ пустынниками, бралъ и кушалъ подносимыя ими простыя овощи, а при прощаніи у каждаго цѣловалъ руку и просилъ ихъ молитвъ. За тѣмъ пожелалъ идти и въ дальную пустыню, при чемъ ласково отпустилъ въ монастырь игумена, не желая утомлять его, и шелъ далѣе съ благочиннымъ и экономомъ. Дорогою государь милостиво говорилъ о разныхъ предметахъ, о многомъ разспрашивалъ, а дойдя до горы, гдѣ нужно было спуститься, чтобъ опять взойти на высоту, государь почувствовалъ одышку.—«Всходя на гору, я всегда чувствую одышку, — ска-

залъ онъ,—еще при покойномъ государѣ я разстроилъ себя, бѣгая по восемнадцати разъ съ верхняго этажа внизъ по лѣстницѣ».—Подходя къ пустынѣ, государь замѣтилъ утомленіе благочиннаго и сказалъ:—«Вы устали со мною?» — «Я радъ пройти съ вами еще пять верстъ!» — «Благодарю, отвѣчалъ государь усмѣхнувшись,—готовность мнѣ эта пріятна.»—Подойдя къ загородкѣ, въ лѣсу, когда экономъ Арсеній напрасно старался разгородить ее, императоръ почти ползкомъ пролѣзъ подъ изгородь, говоря: — «Вѣдь я солдатъ.» — Достигнувъ дальней пустыни; государь самъ видимо утомился; онъ вошелъ въ тѣсную келію, поздоровался съ пустынникомъ, спрашивалъ давно ли онъ живетъ тутъ, сѣлъ на скамью, посадилъ благочиннаго и эконома и внимательно разговаривалъ о весьма многомъ, касающемся духовной и аскетической жизни.

— Въ какой тѣсной, бѣдной и пустынной келіи изволите вы теперь бесѣдовать, государь, съ кѣмъ и о какихъ предметахъ? — сказалъ благочинный Дамаскинъ,—но повѣрьте, ваше величество, что иноки живущіе въ такихъ пустыняхъ, по благости Божіей, утѣшаются въ нихъ столь плѣнительными духовными чувствами, истекающими изъ стремленія ихъ къ соединенію сердца съ Богомъ, въ послушаніи Его закону, — что предпочитаютъ свои шалаши и вашему царскому дворцу.—Государь отвѣчалъ:—«Да, я знаю это вѣрно; ты говоришь правду; но это есть дѣло прямой благодати Господа!» — Въ продолженіе разговора, государь при случаѣ сказалъ: — «Я часто замѣчалъ, что свя-

щенники благословляютъ спѣша и не знаменуютъ креста какъ слѣдуетъ; это знакъ великаго невниманія. Какъ благословляющему такъ и принимающему благословеніе надлежитъ опасаться не лишиться благодатной пользы благословенія. Не разъ когда я подходилъ къ сельскимъ священникамъ, которые, въ простотѣ, вздохнувъ отъ сердца, благословляли меня, ограждая настоящимъ знаменіемъ креста, какъ благословляютъ и крестьянъ, — всегда я чувствовалъ нѣчто особенное!»—Вставши, государь изъ трехъ поднесенныхъ пустынникомъ рѣпъ, изъ его огородца, принялъ одну, и когда благочинный спросилъ ножъ, чтобъ очистить, онъ повторивъ:—«Я солдатъ и съѣмъ по солдатски», — началъ очищать кожу зубами. — Государь осмотрѣлъ молитвенный тѣсный чуланчикъ пустынника, а прощаясь съ нимъ цѣловалъ его руку и усердно просилъ благословенія и молитвъ.

Еще дорогою, переходя отъ предмета къ предмету, въ разговорѣ всегда милостивомъ и одинаково настроенномъ по духу, императоръ сказывалъ, что самъ претерпѣлъ великія искушенія, особенно въ прошедшіе военные годы и что, какъ въ малыхъ такъ и въ важныхъ дѣлахъ, всегда познавалъ особенный промыслъ Божій.—«Я зналъ за два года до войны, продолжалъ государь,—о зломъ для меня умыслѣ Наполеона, и съ моей стороны все возможное человѣку употреблено было, чтобъ водворить спокойствіе: но все было тщетно. Непріятельскія арміи разныхъ націй были сильнѣе нашей; одинъ Богъ, послѣ многихъ совѣтовъ вразумилъ

насъ вести войну отступательную, далѣе внутрь Россіи. Непріятель разграбилъ нашу землю, много причинилъ намъ вреда и убытка; но и это Богъ же попустилъ для того, чтобы смирить насъ. Когда же ему угодно было помиловать насъ, Онъ и помиловалъ удивительнымъ образомъ. Не мы побѣждали враговъ, а Онъ! Да, промыслъ Божій всегда, во всемъ съ нами! и нынѣ я точно также замѣчаю, что трактуя съ опытными и знающими людьми полагаемъ планъ, по нашему разумѣнію лучшій, но отъ того или другаго все разстроивается, какъ дѣло человѣческое. Когда же положишься прямо на Бога, и призовешь Его на совѣтъ и въ помощь, тоже дѣло устроится такъ хорошо, что прежній нашъ планъ окажется ничтожнымъ»... При столь искреней бесѣдѣ съ государемъ благочинный сказалъ:— «Истинно, ваше величество, какъ не тяжелу быть времени для васъ, когда даже монахи, въ монастыряхъ, плакали горько. По прочтеніи манифеста и при соборныхъ молебнахъ, мы ни могли ни пѣть, ни читать; какъ нѣмые стояли въ слезахъ, только вздыхая къ Богу!.. Повѣрьте государь, каждую службу отправляли здѣсь не безъ искреннихъ чувствъ сердечныхъ!» — Государь сказалъ: — «Спасибо! спасибо!... Я знаю, что мнѣ Господь помогъ молитвами вашими и всего православнаго духовенства.»

При возвращеніи въ монастырь, государь былъ встрѣченъ казначеемъ, и іеромонахами; подойдя ко всѣмъ для благословенія, онъ пошелъ въ келію игумена, въ сопровожденіи старшихъ изъ братіи. Здѣсь пилъ

чай и пробовалъ поставленныя на столъ садовые фрукты, крыжовникъ и малину, которыми подчивалъ своеручно казначея, благочиннаго и эконома.—Тутъ игуменъ подалъ краткое описаніе Валаамской обители и просилъ о внесеніи преподобныхъ въ церковные мѣсяцесловы, о прибавкѣ къ больничному штату пятнадцать человѣкъ и о подворьѣ въ С.-Петербургѣ. Государь сказалъ: — «Я все сдѣлаю: составьте записку; кто поѣдетъ въ Петербургъ, чтобъ отдалъ ее князю Голицыну для передачи мнѣ.»—Переходя въ гостинный покой, въ сопровожденіи казначея и эконома, императоръ объявилъ, что въ четыре часа намѣренъ ѣхать въ скитъ. -Въ назначенное время игуменъ и экономъ ожидали у келіи государя, и, по выходѣ, отправились на шлюбкѣ водою. Во время переѣзда императоръ особенно любовался картинностью мѣстоположенія.

Въ скитѣ государь былъ встрѣченъ со звономъ; казначей со скитскою братіею приняли его въ ризахъ и съ крестомъ. — По прочтеніи эктиніи, августѣйшій богомолецъ осмотрѣлъ синодики о здравіи и за упокой при непрерывномъ псалтирномъ стихословіи постоянно перечитываемые. Государь разговаривалъ и распрашивалъ о положеніяхъ скитскихъ, — былъ въ трапезѣ, входилъ въ подробности и, осмотрѣвъ все, возвратился въ обитель. — Благочинный и братія ожидали его на берегу. — Выйдя изъ шлюбки, онъ смотрѣлъ печь и форму для отливки колокола; спрашивалъ во сколько будетъ пудовъ и есть ли мѣсто гдѣ повѣсить?—Игуменъ отвѣчалъ, что Богъ устроитъ все.—Когда дошли

до стѣнъ монастыря, начался благовѣстъ къ малой вечернѣ, такъ какъ государю было угодно, чтобъ преподобнымъ праздновали бдѣніе. — Неутомимый императоръ пришелъ тотчасъ къ малой вечернѣ, которую всю выслушалъ съ акаѳистомъ. Немного спустя, отблаговѣстивъ къ правилу, начали отправлять его съ поклонами и съ безмолвной молитвой, во время которой государь тихо вошелъ въ соборъ и, увидѣвъ, что благочинный стоялъ съ боку, у праваго столба, осторожно помѣстился позади его. — Когда экономъ и другіе изъ братіи пытались остеречь благочиннаго, его величество дѣлалъ имъ рукою знакъ, чтобъ оставили. — Замѣчая, что государя впереди нѣтъ, благочинный, наконецъ, оглянулся и, увидя его за собою, поклонившись, отступилъ за столбъ. По окончаніи правила, — когда игуменъ, по обыкновенію монастырскому, среди церкви просилъ у всѣхъ братій прощенія, а братія, поклонясь игумену, подходили къ благословенію, — государь, вслѣдъ за монахами, тоже принявъ благословеніе отъ игумена, съ особеннымъ вниманіемъ и смиреніемъ глядѣлъ на все происходившее. — Благовѣстъ къ бдѣнію былъ начатъ безъ выхода изъ церкви; всю всенощную службу государь стоялъ у лѣваго столба, иногда переходилъ къ скамьѣ (на этой-же сторонѣ) и, во время поученія, садился на ней рядомъ съ братіею. — Престарѣлый и слѣпой монахъ, Симонъ, руками осязая сидѣвшаго близь него на скамьѣ государя, спросилъ тихонько: — «кто сидитъ рядомъ со мною?» — Государь отвѣчалъ: — «путешественникъ.» — Послѣ, стоя у столба, его величество уронилъ

перчатку, монахъ Савватій подошелъ чтобъ поднять ее, но замѣтивъ это, государь поспѣшно поднялъ ее самъ и, оборотясь къ монаху, низко поклонился ему. — По окончаніи всенощнаго бдѣнія, когда Игуменъ и братія провожали его величество изъ церкви, государь просилъ, чтобъ обѣдня была по утру въ пять часовъ, а за нею молебенъ преподобнымъ, для отъѣзда.—Въ назначенное время начался благовѣстъ къ литургіи, которую совершалъ игуменъ соборомъ. — Императоръ въ самомъ началѣ благовѣста пришелъ въ церковь и сталъ у столба, близь іеросхимонаха, пустынножителя Никона, который и въ глубокой старости подвизался истинно-добрымъ подвигомъ, въ церкви же Божіей, по крайней немощи тѣла, выстаивалъ всю службу, опираясь на костыль.—Въ присутствіи государя, при привычномъ вниманіи и напряженномъ слушаніи божественнаго пѣнія, старецъ выпустилъ костыль изъ рукъ и самъ, поскользнувшись, упалъ. Государь взглянулъ на него съ глубокимъ умиленіемъ, подошелъ, поднялъ старика и посадилъ его на скамью.—Пустынникъ безмолвно поклонился царю и, укрѣпившись на ногахъ, выстоялъ всю литургію.

Государь подходилъ къ антидору, взялъ вынесенную благочинным просфору и откушалъ теплоты. Тотчасъ же начался благовѣстъ къ молебну. Игуменъ съ крестомъ, два іеродіакона съ кадилами и четыре іеромонаха въ ризахъ, пошли въ церковь преподобныхъ, при пѣніи тропаря храму. Во время чтенія Евангелія государь упалъ на колѣна и подклонилъ главу подъ самое

св. Евангеліе; игуменъ возложилъ руку на помазанную главу царя и, держа сверху Евангеліе, читалъ: «Научитеся отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ».—Текстъ этотъ, столь сходный съ кротостью и смиреніемъ подклонившагося подъ него вѣнценоснаго богомольца, видимо произвелъ на прекрасную душу государя самое умилительное впечатлѣніе.—Братія не могли удерживать слезъ. По прочтеніи Евангелія, игуменъ трижды благословилъ крестнымъ знаменіемъ главу императора, который, съ выраженіемъ самой живой вѣры, схватилъ руку игумена и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ! —Подобное явленіе благочестія, вѣры и кротчайшаго смиренія могущественнѣйшаго и славнѣйшаго изъ государей, въ пустынной обители, на уединенномъ островѣ, — можетъ-ли быть забыто? По совершеніи молебнаго пѣнія съ эктеніею, молитвою и колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ путешествіи и многолѣтіи, приложась ко кресту и къ гробницѣ преподобныхъ, государь принялъ поднесенную игуменомъ икону Сергія и Германа; во время пѣнія догматика его величество стоялъ у гробницы.

Изъ церкви государь пошелъ въ келліи къ игумену, при пѣніи и сопровожденіи всей братіи. Тутъ по окончаніи «Достойно есть» и отпуска, государь приложился къ кресту, простился съ братіею и, когда посторонніе вышли, бесѣдовалъ, пилъ чай и принялъ поднесенный игуменомъ рѣзной крестъ въ ящикѣ.—Императоръ милостиво повторилъ: чтобы о всѣхъ нуждахъ монастырскихъ написать записку, прислать въ Петер-

бургъ и отдать князю Голицыну, для вручения его величеству.

При выходѣ, казначей доложилъ, что братія просятъ дозволенія проводить до пристани.—Государь согласился и, выйдя изъ покоевъ, у крыльца гдѣ стояли всѣ іеромонахи и братія. у каждаго изъ первыхъ принялъ благословеніе, кланялся братіи и, сопровождаемый казначеемъ, благочиннымъ и экономомъ, пошелъ къ гостинной. Чрезъ малое время онъ вышелъ изъ покоевъ и снова остановясь съ іеромонахами спрашивалъ: «всегда ли у васъ бываетъ такая служба какъ нынѣ?» — ему отвѣчали, что такое же бдѣніе бываетъ въ воскресные и праздничные дни.

По прибытіи игумена, государь поклонился ему и пошелъ рядомъ съ нимъ изъ обители.—Начался звонъ во всѣ колокола; клиросные, идя впереди, пѣли тропарь и догматикъ, за клиромъ шли вся братія. Разговаривая съ игуменомъ, государь приказалъ ему, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, приходить во дворецъ, доложивъ сперва о пріѣздѣ.

На пристани императоръ остановился посреди всей братіи и посторонних посѣтителей; обратясь къ обители, царь помолился съ великимъ умиленіемъ, подошелъ къ игумену, принялъ блалословеніе и поцѣловался съ нимъ. Потомъ низко, поклонись всей братіи, сѣлъ въ шлюбку, посадя съ собою казначея, эконома и своего камердинера.

Когда отвалили отъ берега, императоръ милостиво откланивался, много разъ, кланявшейся ему братіи,

тихо удаляясь по монастырскому проливу, при звонѣ колоколовъ и благословеніяхъ тронутой до глубины сердца братіи, провожавшей его взорами и напутственными молитвами.

Во время переѣзда по озеру до Сердоболя. продолжавшемся нѣсколько часовъ, государь много разговаривалъ съ казначеемъ и экономомъ, какъ о монашеской жизни, правилахъ, такъ и о церковной службѣ, о чтеніи и пѣніи.—«Можно ли пропѣть что нибудь здѣсь?»—спросилъ онъ;—и на отвѣтъ: что ваше величество прикажете? просилъ пѣть тропарь: «Спаси Господи»—херувимскую придворную, потомъ тропари крещенію, на освященіе воды и другіе церковные стихи.

Благополучно доѣхавъ до Сердоболя, государь ласково простился съ своими монастырскими спутниками и продолжалъ путь въ Финляндію по тракту на Куопіо, куда пріѣхалъ 13 августа. Пожелавъ видѣть городъ Каяну. онъ отправился 15-го числа на станцію Нисселе. При немъ находились только: князь Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе и квартирмейстерской части (генеральнаго штаба) прапорщикъ Мартинау. Отъ Нисселе, гдѣ ожидалъ государя посланный впередъ для заготовленія квартиръ поручикъ Гриппенбергъ, оставалось до Каяны 82 версты, изъ коихъ 30 сухимъ путемъ и остальныя озеромъ. Императоръ, прибывъ 16-го, въ семь часовъ утра, къ берегу озера, гдѣ въ маленькомъ поселеніи Хапаланкагасъ не было никакихъ строеній, кромѣ курной избы и конюшни, увидѣлъ въ толпѣ собравшагося народа крестьянина Тервонена, бывшаго въ

1809 году депутатомъ на сеймѣ въ Борго и пожалованнаго по этому случаю медалью. Государь, тотчасъ узналъ его, и позвавъ къ себѣ знавшаго финскій языкъ Гриппенберга сказалъ ему: «этотъ крестьянинъ мой старый знакомый». Затѣмъ потрепавъ по плечу Тервонена, государь поручилъ Гриппенбергу передать ему, что «его величеству очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство». Удивленный и растроганный ласковыми словами государя, крестьянинъ выразилъ столь-же просто, сколько искренно, радость, которою преисполнила его милость императора, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь далекаго края. Государь приказалъ спросить: женатъ ли онъ, сколько имѣетъ дѣтей и доволенъ ли своимъ земледѣльческимъ состояніемъ, и, взявъ его за руку, простился съ нимъ. За тѣмъ, подойдя къ избушкѣ, государь спросилъ: «гдѣ метрд'отель Миллеръ», и получивъ въ отвѣтъ, что онъ въ избушкѣ готовитъ завтракъ, хотѣлъ войти туда, но немогъ, по причинѣ валившаго изъ двери сильнаго дыма и услыша голосъ Миллера, спросилъ его: «гдѣ-жъ моя столовая?» — «Въ конюшнѣ—для перемѣны»—отвѣчалъ Миллеръ.—«Все равно, лишь бы намъ было что поѣсть»,—сказалъ государь, и войдя въ такъ-называемую столовую, нашелъ ее очень забавною. Спустя четверть часа, подали завтракъ. Государь занялъ мѣсто на концѣ длиннаго стола: возлѣ него сѣлъ князь Волконскій, потомъ Гриппенбергъ, Вилліе и Мартинау. Во время завтрака, продолжавшагося около 20-ти минутъ, государь былъ очень веселъ, хвалилъ страну, называя ее

«Сѣверною Италіей», и, подвинувъ стеклянную баночку съ брусничнымъ желе къ Гриппенбергу, сказалъ ему;— «Отвѣдайте; это очень вкусно, только не берите много, потому что я хочу его сколько можно дольше поберечь. Мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаерви» — и за тѣмъ сталъ спрашивать о Каянѣ, что подало случай Гриппенбергу доложить о назначеніи императору квартиры въ этомъ городѣ, у пастора Аппельгрена. Какъ въ это самое время Миллеръ подалъ два ананаса, то государь, съ обычною ему пріятною улыбкою, замѣтилъ, что «завтракать въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и ѣсть ананасы—было бы слишкомъ несообразно» и потому приказалъ князю Волконскому спрятать эти рѣдкіе фрукты, сказавъ: «я подарю ихъ своей хозяйкѣ, г-жѣ Аппельгренъ».

Въ половинѣ 9-го, государь сѣлъ въ шлюбку, приказавъ ѣхать съ собою: князю Волконскому, Вилліе, Гриппенбергу, Мартинау, казачему хорунжему Овчарову и своему камердинеру Ѳедорову. Когда же проплыли на веслахъ по рѣчкѣ верстъ пять и вошли въ озеро, капитанъ Юнеліусъ доложилъ императору, что шлюбка была слишкомъ нагружена для плаванія по озеру при сильномъ вѣтрѣ, и потому государь приказалъ прапорщику Мартинау съ Овчаровымъ и Ѳедоровымъ пересѣсть въ другую, маленькую шлюбку. При попутномъ вѣтрѣ, шлюбки шли на полныхъ парусахъ, но вскорѣ поднялась сильная буря; волны подымалпсь такъ высоко, что ничего не было видно, кромѣ неба и пѣны. Два матроса постоянно отливали воду, которую сильное вол-

неніе наполняло шлюбки. Государь и всѣ бывшіе съ нимъ совершенно промокли. Александръ, на лицѣ котораго изображались невозмутимое спокойствіе и достоинство, спросилъ у капитана по англійски: «не опасно-ли?» Юнеліусъ отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности, однако же, вскорѣ за тѣмъ, пришелъ въ большое затрудненіе, когда сильнымъ шкваломъ сломало ручку у руля. Къ счастью, на шлюбкѣ нашлась запасная ручка, которую капитанъ успѣлъ надѣть, вмѣсто сломанной.

Наконецъ, послѣ двухъ-часоваго плаванія, шлюбки вошли въ тихую воду пролива, ведущаго къ Каянѣ и въ полдень достигли нарочно устроенной пристани у водопада Эмме. При вступленіи государя на берегъ, открылось взорамъ его величественное зрѣлище развалинъ древняго замка Каянаборга надъ шумнымъ водопадомъ. Обычно-пустынныя высоты по сторонамъ пристани были покрыты народомъ, жаждавшимъ видѣть монарха славнаго побѣдами и кротостью. На пристани стояли съ одной стороны городскіе граждане съ своими бургомистромъ, а съ другой мѣстное духовенство, и въ числѣ ихъ пасторъ пальдамскаго кирхшпиля. Раздались радостныя восклицанія народа и бургомистръ привѣтствовалъ августѣйшаго гостя краткою рѣчью на шведскомъ языкѣ, которую Гриппенбергъ передалъ по французски. Государь отвѣчалъ на нее весьма благосклонно, и обратясь къ окружавшимъ его жителямъ, сказалъ съ чувствомъ:— «Я не могъ изъявить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ

и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противополагаемыя стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ».—Затѣмъ, пасторъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствіе, на которое императоръ отвѣчалъ, на томъ же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, и, поклонясь милостиво собравшемуся на высотахъ народу, отправился въ городъ. Какъ ближайшій путь туда проходилъ чрезъ островъ, на которомъ находятся развалины замка, то изъ разбросанныхъ камней его была устроена довольно удобная лѣстница. Государь взошелъ по ней на высшую точку развалинъ и полюбовавшись живописными видами, спустился къ городу, осмотрѣлъ городскую церковь, прошелъ пѣшкомъ по улицамъ, посѣтилъ магистратъ, гдѣ перелистовалъ лежавшія на столѣ книги законовъ, и отправился въ приготовленную для него квартиру, въ пасторскомъ домѣ. Радушные хозяева приготовили ему обѣдъ, но онъ отказался и позволилъ подать себѣ чаю. Во время пребыванія у пастора, государь вручилъ хозяйкѣ своей, г-жѣ Аппельгренъ, привезенные имъ ананасы и пожаловалъ ей бриллiантовый фермуаръ.

Между тѣмъ, буря не утихала, а государь спѣшилъ отъѣздомъ, и потому рѣшено было возвратиться сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было удобной дороги, и что надобно было ѣхать почти необитаемыми мѣстами. Главная забота состояла въ томъ, чтобы достать лошадей, и къ тому же во всемъ городѣ нашлось только одно сѣдло, да и то столь ветхое, что набивка во многихъ мѣстахъ выказывалась сквозь разорванную кожу,

а ржавыя стремена висѣли на двухъ плохихъ бичевкахъ. За всѣмъ тѣмъ, принуждены были взять это сѣдло для государя и навязать на лошадей для князя Волконскаго и прочихъ лицъ царской свиты, вмѣсто сѣделъ, подушки съ веревочными стременами. Путешествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ проводникъ, одинъ изъ каянскихъ гражданъ; за нимъ ѣхалъ прапорщикъ Мартинау, потомъ—князь Волконскій, далѣе—императоръ, за нимъ баронъ Вилліе, потомъ Ѳедоровъ и Овчаровъ, наконецъ—багажъ на двухъ лошадяхъ, за которыми слѣдовали восемь крестьянъ. Тропинки, по коимъ надлежало ѣхать, пролегали чрезъ дикую каменистую мѣстность, пересѣкаемую обширными тинистыми болотами. Для переправы черезъ эти болота, тамошніе жители кладутъ мостки изъ двойнаго ряда бревенъ, сверху немного стесанныхъ, и, какъ нерѣдко случается, что лошади, не привыкшія ходить по такимъ мосткамъ, оступаются и проваливаются въ болото, то чрезъ эти опасныя мѣста переходятъ пѣшкомъ, ведя лошадей за повода. Государь, на возвратномъ пути изъ Каяны, изъ семидесяти верстъ прошелъ пѣшкомъ около пятидесяти.

Въ 6 1/2 часовъ вечера, усталые путники, пройдя 12 верстъ, остановились у мызы и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, продолжали идти еще 5-ть верстъ до другой мызы Ронгала, гдѣ для императора была приготовлена небольшая комната. Государь, прибывъ туда въ 8 часовъ, прежде всего, спросилъ—будутъ-ли сыты проводники и лошади. Во время ужина, коего главное

блюдо состояло изъ отварнаго картофеля, государь, увидя дѣтей, толпившихся у дверей его комнаты, всталъ съ своего мѣста и собственноручно роздалъ имъ по большому ломтю хлѣба съ масломъ. Около 10 часовъ, государь легъ спать въ той-же самой комнатѣ, а князь Волконскій со всею свитою—въ крестьянской избушкѣ, на свѣжемъ сѣнѣ. Въ три часа утра, всѣ уже были на ногахъ и спустя полчаса отправились далѣе. Около 6-ти часовъ, государь подъѣхалъ къ дому стараго Тервонена. Самъ хозяинъ, нѣсколько разъ бывшій на сеймахъ въ Швеціи и весьма уважаемый своими соотчичами, называвшими его Майнуайскимъ королемъ, оставался въ Хапаланкагасѣ, въ надеждѣ опять тамъ увидѣть государя на возвратномъ пути изъ Каяны и потому августѣйшій гость былъ встрѣченъ лишь хозяйкою, которая, отворивъ лучшую комнату своего дома и поставя на столъ чернаго хлѣба, масла и молока, пошла съ Ѳедоровымъ въ огородъ за картофелемъ. Послѣ скудной трапезы, императоръ, отправясь, около восьми часовъ, въ дальнѣйшій путь, проѣхалъ безъ отдыха болѣе двадцати верстъ и прибылъ въ два часа пополудни, къ помѣстью Суотарила. По дорогѣ туда надлежало переправиться черезъ рѣчку, шириною отъ 20-ти до 25-ти саженъ; къ счастью на берегу нашлась маленькая рыбачья лодка, въ которую сѣли, вмѣстѣ съ проводникомъ, императоръ и князь Волконскій; государь взялся править рулемъ, а Волконскій грести веслами. Но какъ при выходѣ изъ лодки оба они загрязнили и замочили ноги, то государь, увидя вблизи кучу сухихъ

древесныхъ вѣтвей, сталъ съ помощью князя Волконскаго носить ихъ къ тому мѣсту, гдѣ причаливала лодка, и устроивать пристань для своей свиты. Лошадей перегнали черезъ рѣку вплавь, причемъ государь самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна изъ близь-стоявшей копны. Отдохнувъ съ часъ, императоръ проѣхалъ еще 17½ верстъ до деревни Саресмеки и прибылъ туда въ семь часовъ вечера. До Ниссиле, гдѣ находились вагенмейстеръ его величества, полковникъ Соломка, и кучеръ Илья съ царскимъ экипажемъ, оставалось 15 верстъ; государь, уставъ ѣхать верхомъ и идти пѣшкомъ, отправился далѣе въ крестьянской двухъ-колесной тележкѣ. Исправникъ Элвингъ, узнавъ отъ прибывшаго вечеромъ изъ Каяны въ Ниссиле поручика Гриппенберга, о возвращеніи государя по трудной, почти непроходимой дорогѣ, выѣхалъ ему на встрѣчу въ курьерской кабріолеткѣ и привезъ его въ Ниссиле, въ 10-мъ часу вечера. Государь, услыша отъ Гриппенберга, что онъ переночевавъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда по утру, на другой день по отъѣздѣ его величества, и прибылъ въ Ниссиле безъ всякой опасности, сказалъ весело: «Я очень тому радъ, а я, напротивъ, сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ пріятностей, и, конечно, никогда незабуду своего забавнаго путешествія въ Каяну».

Уже по кончинѣ императора Александра, жители Каяны перенесли изъ Хапаланкагаса къ главной церквѣ Пальдамскаго прихода конюшню, служившую столовою государю, и собрали въ ней: лодку, въ коей переѣз-

жалъ онъ чрезъ бурное озеро, кровать на коей онъ ночевалъ, возвращаясь изъ Каяны въ Ниссиле, сѣдло, на которомъ ѣхалъ, и тележку, въ которую пересѣлъ у деревни Саресмеки: это были трофеи властителя, покорившаго благодушіемъ сердца своихъ новыхъ подданныхъ.

Изъ Ниссиле государь поѣхалъ въ Торнео, откуда отправился обратно въ Петербургъ по береговой дорогѣ. Не задолго до прибытія на станцію Пудасъ, онъ уснулъ въ колескѣ. Народа у станціи собралось множество, но велѣно было не шумѣть, чтобы не разбудить императора, и потому ямщики запрягали лошадей въ царскій экипажъ молча и не дозволяя никому подходить слишкомъ близко. Въ то самое время, подошла туда, опираясь на костыль, 80-ти лѣтняя старушка, именемъ Лиза Келло. Мужъ ея, старый финскій солдатъ, былъ убитъ въ послѣднюю войну, и государь пожаловалъ бѣдной вдовѣ пенсію въ 25 рублей серебромъ, получивъ которую, Лиза считала себя совершенно обезпеченною и ежедневно поминала въ молитвахъ своего августѣйшаго благодѣтеля. Узнавъ о пріѣздѣ государя, она не спала отъ нетерпѣнія трое сутокъ и съ большимъ трудомъ, опираясь на костыль, пришла издалека на станцію, чтобы видѣть его. — «Теперь—сказала она —когда я такъ близко отъ него, никто не можетъ мнѣ помѣшать въ томъ». -Старушка была упряма, какъ настоящая финка и съ нею не смѣли спорить, изъ опасенія разбудить императора. Пользуясь тѣмъ, Лиза, съ величайшими усиліями взлѣзла на одно изъ колесъ экипажа и на-

дѣла очки, чтобы лучше видѣть «своего добраго государя». Но очки безпрестанно тускнѣли отъ слезъ старушки, и наконецъ она выразила свои чувства, сказавъ окружавшимъ ее:—«Сестрицы, посмотрите, какъ тихо онъ спитъ; точно—какъ всякій человѣкъ».—Государь проснулся, и увидя, что коляска была окружена старухами, ласково подалъ руку Лизѣ, которая потрясла ее по крестьянски, сказавъ:—«рука нѣжна, какъ хлопчатая бумага; работа не испортила ее».—Императоръ приказалъ прапорщику Мартинау перевести по русски слова Лизы и протянулъ руку прочимъ старухамъ влѣзшимъ на колеса, а Лизѣ, чрезъ Мартинау, позволилъ просить что пожелаетъ. Она долго не могла понять волю государя; когда-же, наконецъ, ей объяснили дѣло, она, зарыдавъ, сказала:—«какъ могла-бы я быть неблагодарна до того, чтобы стала просить еще чего-либо, когда сюда пришла только увидѣть, поблагодарить и благословить ангела Божія, посланнаго на землю за тѣмъ, чтобы столькимъ тысячамъ душъ даровать жизнь и счастіе? Нѣтъ! я пришла только поблагодарить и благословить его какъ умѣю».—Простодушіе и безкорыстіе бѣдной вдовы плѣнили государя.—«Не поступили бы такъ и самые богатые изъ моихъ придворныхъ—сказалъ онъ,—и приказавъ насыпать ей цѣлую кучу серебряныхъ рублей, отправился далѣе въ Петербургъ, напутствуемый благословеніями старушки и всего собравшагося народа ([56]).

При наступленіи осени 1825 года, здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны, давно уже разстроенное, возбуждало справедливыя опасенія. Состоявшіе при ней врачи, замѣтивъ, что болѣзнь ея постепенно принимала все болѣе и болѣе характеръ хроническої чахотки. считали необходимымъ, чтобы она провела зиму въ Италіи или на островѣ Мальтѣ, но она рѣшительно отказалась отъ путешествія за границу. — «Я совершенно здорова,—сказала она,—да ежели бы и дѣйствительно болѣзнь моя усилилась, то женѣ русскаго императора слѣдовало бы умирать въ Россіи.» Государь показывалъ видъ, будто-бы не замѣчалъ нездоровья императрицы, старался превозмочь мрачное настроеніе духа, въ которомъ тогда находился, и въ присутствіи больной казался спокойнымъ и даже веселымъ. Опасаясь встревожить ее, Александръ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ нею на югъ Россіи, подъ предлогомъ собственной болѣзни. — «Виллье! — сказалъ онъ своему лейбъ-медику, — мое здоровье плохо, посовѣтуйте мнѣ ѣхать въ южную Россію, въ Крымъ, куда-бы то ни было, только бы это путешествіе принесло пользу императрицѣ, которая тамъ будетъ со мною.»

Неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, главнымъ мѣстопребываніемъ и императора и императрицы былъ выбранъ Таганрогъ, лежащій на Азовскомъ морѣ, близъ устья Дона, въ весьма неблагопріятномъ климатѣ.

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 1-го сентября, съ начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, и лейбъ-медикомъ Виллье, а императрица Елизавета

Алексѣевна отправилась два дня спустя, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта князя П. М. Волконскаго. За два дня до отъѣзда, государь, вмѣстѣ съ царской фамиліей и высшими государственными сановниками, прибылъ утромъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ ожидало его все знатнѣйшее столичное духовенство. По совершеніи литургіи соборнѣ митрополитомъ Серафимомъ, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, государь посѣтилъ митрополита и, принявъ предложенный имъ завтракъ, отозвалъ въ сторону святителя.—«Прошу васъ,—сказалъ онъ шопотомъ,— отслужить для меня одного послѣ завтра, въ 4 часа утра, панихиду, которую желаю отслушать передъ отъѣздомъ въ южныя губерніи». -«Панихиду?—спросилъ митрополитъ, удивленный столь неожиданной просьбой.—«Да,—отвѣчалъ государь со вздохомъ,—отправляясь куда либо, я обыкновенно приношу молитву въ Казанскомъ соборѣ, но настоящее путешествіе мое не похоже на прежнія.... И къ тому же, здѣсь почиваютъ мои малолѣтнія дочери... Да будетъ мой путь подъ покровомъ этихъ ангеловъ!»—Тогда же императоръ выразилъ свою волю, чтобы на панихидѣ находилась вся братія лавры, но чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ о намѣреніи его присутствовать при этой божественной службѣ.

1-го сентября, еще до разсвѣта, митрополитъ со всею братіею Александро-Невской лавры ожидалъ государя у воротъ монастыря. Императоръ, прискакавъ въ коляскѣ, запряженной тройкой, вышелъ изъ экипажа, приложился къ кресту и принялъ благословеніе святителя. По со-

вершеніи панихиды, митрополитъ пригласилъ государя въ свою келью.—«Хорошо,—отвѣчалъ Александръ,—но только на нѣсколько минутъ; я уже опоздалъ полчаса».—Такъ какъ государь казался задумчивымъ и углубленнымъ въ самого себя и оставался въ безмолвіи, то Серафимъ, желая разсѣять его думу и зная, что онъ питалъ особенное благоволеніе къ схимникамъ, сказалъ ему, что недавно поселился въ монастырѣ такой отшельникъ.—«Не пожелаете ли, ваше величество, чтобы приказалъ его позвать?»—спросилъ Серафимъ.—«Пусть придетъ,—отвѣчалъ государь,—я охотно приму его и попрошу помолиться за меня».—Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ почтенный старикъ, изможденный трудомъ и лишеніями. Александръ принялъ его ласково, бесѣдовалъ съ нимъ и пожелалъ получить отъ него напутственное благословеніе. Исполнивъ монаршую волю, схимникъ сталъ просить государя, чтобъ онъ удостоилъ посѣтить его убогую келью. Государь изъявилъ согласіе и послѣдовалъ за отшельникомъ въ его обиталище. Войдя туда, Александръ былъ пораженъ мрачнымъ видомъ окружавшихъ его предметовъ: вся келья была обита чернымъ сукномъ; такія же скамьи стояли вдоль стѣнъ, у одной изъ нихъ стоялъ большой крестъ и теплилась денно и нощно передъ образами лампада. Престарѣлый схимникъ, навъ ницъ у подножія креста. обратился къ монарху:—«Государь! Помолимся»—сказалъ онъ и, совершивъ молитву тихимъ голосомъ, пригласилъ императоръ и митрополита сѣсть на скамью; самъ же съ трудомъ лишь согласился занять мѣсто въ почтительномъ

отдаленіи отъ государя.—«Какъ зовутъ его»—спросилъ Александръ тихомитрополита.—«Алексѣемъ,—отвѣчалъ митрополитъ, понизивъ голосъ,—онъ проводитъ время безпрестанно въ постѣ и молитвѣ. Истинно—чудо, какъ можетъ онъ жить почти безъ пищи и сна».—«Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ постели и даже соломы»—продолжалъ Александръ. — «Государь, — прервалъ схимникъ,—и у меня есть постель не хуже другихъ; я вамъ покажу ее прежде нежели Богъ вамъ пошлетъ такую же»—и, произнося эти слова гробовымъ голосомъ, подошелъ къ углу своей кельи, гдѣ за чернымъ покровомъ, въ небольшомъ альковѣ стоялъ открытый гробъ, окруженный горящими свѣчами.—«Вотъ мое ложе,—сказалъ монахъ,—и оно принадлежитъ не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ. Мы всѣ успокоимся на немъ послѣднимъ сномъ вѣчнымъ». Александръ подъ вліяніемъ словъ отшельника, оставался недвижимъ. Тогда схимникъ, какъ бы восторженный, продолжалъ:—«Государь! я старъ и много видѣлъ и потому внимай моему слову: до моровой язвы 1771 года, въ Москвѣ, нравы были чище, народъ былъ болѣе преданъ вѣрѣ Господней. За тѣмъ, развратъ обуялъ святую Русь. Двѣнадцатый годъ былъ временемъ покаянія и обращеніемъ къ лучшему; но по окончаніи войны, зло достигло еще высшей степени. Ты, государь и властитель нашъ; тебѣ довлѣетъ стоять на стражѣ общественныхъ нравовъ; ты—старшій сынъ православной церкви и хранитель истинной вѣры—долженъ ратовать въ ея защиту. Таковъ завѣтъ Бога, Царя Царей!» Слова отшельника произвели неизгладимое впечат-

лѣніе на императора Александра. Выходя изъ мрачной кельи, онъ просилъ маститаго старца еще разъ благословить его.—«Этотъ схимникъ—пророкъ»—сказалъ онъ Серафиму. Послѣднія слова государя при выѣздѣ изъ лавры были:—«Любезные братіи о Христѣ! Молитесь за меня, молитесь за императрицу».

Императоръ совершилъ путешествіе весьма быстро и, не смотря на частыя остановки въ пути, прибылъ въ Таганрогъ 14-го сентября, а 23-го числа пріѣхала императрица. Государь выѣхалъ ей на встрѣчу и водворилъ ее въ домѣ, избранномъ для ихъ жительства, гдѣ все было устроено по образцу столь любимаго Александромъ Царскаго Села. Въ ожиданіи императрицы, государь постоянно занимался приспособленіемъ покоевъ для удобнаго пребыванія своей супруги, а по ея пріѣздѣ, въ первые дни, посвящалъ ей все свободное время, то бесѣдуя съ ней, то сопровождая ее на прогулкахъ пѣшкомъ, или въ коляскѣ. Такъ какъ здоровье императрицы замѣтно улучшалось, то государь могъ удѣлить нѣсколько дней на обозрѣніе ближайшей страны, проѣхалъ по берегу Азовскаго моря до устья Дона, посѣтилъ Ростовъ, Нахичевань, Новочеркаскъ и черезъ Азовъ возвратился въ Таганрогъ. За тѣмъ, пользуясь прекрасною погодою, стоявшею всю первую половину октября, государь уступилъ настояніямъ новороссійскаго генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова, просившаго его посѣтить Крымъ. Постоянно питая въ душѣ завѣтную мечту свою,—отречься отъ престола и поселиться гдѣ либо въ странѣ, богатой дарами природы, и вести

жизнь частнаго человѣка,—Александръ остановилъ свой выборъ на Крымѣ и, говоря о приглашеніи графа Воронцова, сказалъ:—«Добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи». Занимаясь вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ выборомъ мѣста для дворца въ Крыму и проектомъ его постройки, государь изъявлялъ желаніе, чтобы все было устроено тамъ, какъ можно проще, для того, какъ выражался онъ,—«чтобы переходъ къ частной жизни не былъ слишкомъ рѣзокъ»—«И ты вмѣстѣ со мной выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ»—говорилъ онъ князю Волконскому.

По плану, заранѣе составленному во всей подробности, поѣздка императора въ Крымъ должна была продолжаться 17 дней. Онъ выѣхалъ изъ Таганрога 20-го октября, и черезъ четыре дня прибылъ въ Симферополь. 25 и 26 числа государь осматривалъ южный берегъ Крыма; живописная мѣстность приводила его въ восторгъ; въ особенности радовало его недавнее пріобрѣтеніе,—Оріанда. 27-го октября, онъ выѣхалъ изъ Алушки, простившись съ графомъ Воронцовымъ на три недѣли, по прошествіи которыхъ они должны были встрѣтиться въ Таганрогѣ. Проѣздомъ черезъ Балаклаву, вечеромъ, государь, оставивъ свиту на большой дорогѣ, отправился одинъ, верхомъ, осматривать монастырь св. Георгія, не дозволивъ никому сопровождать себя; онъ рѣшительно отказался отъ бурки, которую ему предлагали, не смотря на то, что погода измѣнилась: подулъ пронзительный вѣтеръ, подпялась роса и въ воздухѣ чувствовалась холодная сырость.

Перемѣна эта была тѣмъ ощутительнѣе, что утро было жаркое и государь провелъ весь этотъ день въ дорогѣ подъ южнымъ палящимъ солнцемъ; ко всему этому, по дорогѣ въ монастырь, нужно было спускаться въ пропасти и, выѣзжая изъ нихъ, взбираться въ горы. Во время этой несчастной поѣздки, государь простудился и получилъ начало болѣзни, которая, развиваясь все болѣе и болѣе, свела его наконецъ въ могилу. Пріѣхавъ къ почи въ Севастополь, государь остановился въ этомъ городѣ ночевать. На другой день, 28-го октября, осматривая городъ, онъ заходилъ въ жилыя и неотстроенныя еще казармы и госпитали: въ первыхъ была нестерпимая духота, въ недостроенныхъ же зданіяхъ безъ оконныхъ переплетовъ, его, при входѣ, охватило сквознымъ вѣтромъ. Наконецъ, къ довершенію всего этого, государь, вышедъ изъ душной казармы, сѣлъ въ лодку, какъ былъ въ одномъ мундирѣ, не соглашаясь ни за что надѣть шинель и поѣхалъ осматривать военный корабль. По возвращеніи на берегъ, онъ завтракалъ вмѣстѣ съ адмираломъ Грейгомъ на открытомъ воздухѣ въ палаткѣ, а послѣ обѣда осматривалъ другія части города. На другой день, 29-го октября, онъ посѣтилъ портъ, арсеналъ и другія сооруженія. Въ эти дни простудное состояніе его сказалось сильнымъ насморкомъ, но онъ все таки не хотѣлъ лечиться. Болѣзнь при такихъ условіяхъ свободно развивалась, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не берегъ себя. Проѣздомъ черезъ Бакчисарай онъ былъ въ особенности неостороженъ: остановившись въ этомъ городѣ, онъ,

чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, поѣхалъ верхомъ, по обыкновенію, легко одѣтый, осматривалъ городскія окрестности и объѣхалъ весь городъ. 1-го ноября въ Козловѣ, 2-го въ Перекопѣ, онъ уже чувствовалъ себя не хорошо. 3-го ноября, въ Орѣховѣ, ему сдѣлалось хуже, погода стояла непастпая, но онъ, не обращая на это вниманія, вышелъ на встрѣчу епископу Екатеринославскому, который пріѣхалъ въ Орѣховъ нарочно для того, чтобъ видѣть его. 4-го числа, весь день онъ чувствовалъ ознобъ и по пріѣздѣ въ Маріуполь, въ десятомъ часу вечера, потребовалъ къ себѣ лейбъ-медика Виллье, который нашелъ императора въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя; онъ далъ больному стаканъ крѣпкаго пуншу съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ, сколько можно, теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, который не много заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ и онъ спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября—какъ было предположено по маршруту.

5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ 10-мъ утра, въ закрытой колескѣ съ медвѣжьею полостью, въ теплой шинели, отправился онъ изъ Маріуполя и прибылъ въ Таганрогъ, въ 8-мъ часу вечера, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидала его императрица.

6 го ноября, въ 7-мъ часовъ утра, Виллiе нашелъ государя въ довольно спокойномъ положенiи и безъ лихорадки, только языкъ покрытъ былъ бѣловатою слизью и чувствовался непрiятный вкусъ во рту. Назначивъ умѣренную дiэту, Виллiе прописалъ обыкновенныя, нерѣдко государемъ принимаемыя, пилюли изъ 6-ти гранъ сладкой ртути (Calomel) и полдрахмы корня ялапа. Лекарство это оказало свое содѣйствiе, и весь день государь провелъ въ кабинетѣ довольно спокойно, но ничего не кушалъ, ибо не чувствовалъ никакого аппетита.

Въ ночь на 7-е ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и совсѣмъ не спалъ. Лейбъ-медикъ былъ очень опечаленъ положенiемъ императора и назначилъ ему слабительную микстуру (Infusum sennae salinum) три раза въ день по унцу. День прошелъ безъ лихорадки и государь чувствовалъ себя довольно изрядно, а въ ночь на 8 ноября даже спалъ спокойно часа четыре. Поутру Виллье нашелъ императора въ удовлетворительномъ положенiи, такъ что возвратился отъ своего больнаго не только спокойнымъ, но даже веселымъ.

Въ ночь на 9-е ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и вовсе не спалъ. Такое теченiе болѣзни стало безпокоить императрицу и она прислала своего лейбъ-медика Штоффрегена въ консультанты къ баронету Виллье.

Весь день 9-го ноября государь провелъ безпокойно. Употребляемыя имъ лекарства наскучили ему, не принося ожидаемой пользы. Ночь на 10-е ноября онъ про-

велъ почти безъ сна, жалуясь на безпокойство и головную боль. Все это время онъ не переставалъ заниматься дѣлами, и хотя не выходилъ изъ кабинета, но всегда былъ въ сюртукѣ и проводилъ свободное время съ императрицею, которую положеніе его начало очень тревожить.

12-го ноября, поутру, у государя былъ пароксизмъ, за коимъ послѣдовала слабость, на которую онъ особенно жаловался. По случаю пріостановленія желудочнаго испражненія, Виллье и Штоффрегенъ назначили промывательное, которое и было поставлено штабъ-лекаремъ Рейнгольдомъ, врачемъ свиты императрицы, состоявшимъ тогда при Штоффрегенѣ. Это средство не принесло ожидаемой пользы и было замѣчено, что государь колебался въ довѣренности въ даваемымъ ему лекарствамъ.

13-го ноября, часу во 2-мъ пополудни, государь занимался какимъ-то важнымъ дѣломъ. Вдругъ пашло густое облако и произвело такой сумракъ, что Александръ потребовалъ огня. Камердинеръ Анисимовъ зажегъ двѣ свѣчи и поставилъ въ кабинетѣ передъ государемъ. Спустя полчаса, туча прошла и горизонтъ сталъ ясенъ по прежнему, но свѣчи остались предъ государемъ незагашенными. Анисимовъ, вошелъ зачѣмъ-то въ кабинетъ и, видя предъ государемъ горящія свѣчи, остановился, ожидая отъ него приказанія погасить свѣчи.

— Чего ты хочешь, Георговичъ? (такъ обыкновенно звалъ онъ Анисимова)—спросилъ государь.

— Не хорошо, государь, что предъ вами днемъ горятъ свѣчи,— отвѣчалъ Анисимовъ.

— Что-жъ за бѣда, развѣ по твоему это что-нибудь значитъ недоброе?

— По нашему предъ живымъ человѣкомъ, среди бѣлаго дня, свѣчей не ставятъ—сказалъ Георговичъ.

— Это пустой предразсудокъ, безъ всякаго основанія,—замѣтилъ государь; ну, пожалуй, возьми прочь свѣчи для твоего успокоенія.

Въ ходѣ болѣзни и положеніи императора до сихъ поръ не было ничего благопріятнаго. Характеръ лихорадки началъ измѣняться, и изъ перемежающейся она перешла въ непрерывную. 14-го ноября государь всталъ поутру въ обыкновенное свое время, въ 7-мъ часу, и тотчасъ приказалъ подать себѣ бриться. Только-что началъ онъ, за уборнымъ своимъ столомъ, брить бороду, на подбородкѣ отъ трясенія руки сдѣлалъ порѣзъ и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ съ нимъ сильный обморокъ, такъ что онъ не могъ удержаться на стулѣ; камердинеръ не успѣлъ его поддержать и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ: Виллье совсѣмъ потерялся, а Штоффрегенъ началъ растирать государю голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица и государя уложили въ кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Государыня чрезвычайно была опечалена положеніемъ своего супруга и просила лейбъ-медиковъ принять дѣятельнѣйшія, извѣстныя имъ, мѣры противъ усилившейся болѣзни императора.

Съ этого момента уже было видно, что болѣзнь

императора приняла опасное направленіе. Онъ болѣе уже не могъ вставать съ постели. Изъ уборной перевели его на большой диванъ въ кабинетъ.

Въ 9-ть часовъ вечера его величество потребовалъ къ себѣ лейбъ-хирурга Тарасова.

— Вотъ, любезный Тарасовъ,—сказалъ онъ ему—какъ я разболѣлся, останься при мнѣ; Якову Васильевичу Виллье одному трудно, онъ устаетъ и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

Въ 12-мъ часу вечера, императрица вошла къ императору, весьма смущенною, усиливаясь казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больнаго, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначаемыя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— Я намѣрена предложить тебѣ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

— Хорошо, говори,—сказалъ государь.

Императрица продолжала: — «Я болѣе всѣхъ знаю, что ты великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую тебѣ прибѣгнуть къ врачеванію духовному, оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

— Кто тебѣ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство?

— Твой лейбъ-медикъ, Виллье, — отвѣчала императрица.

Тотчасъ Виллье былъ позванъ.

Императоръ повелительно спросилъ его:—«Ты думаешь, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?»

Виллье, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи.

Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ:—«Благодарю тебя, другъ мой, прикажи — я готовъ»:

Тотчасъ былъ позванъ соборный протоіерей Алексѣй Ѳедотовъ; но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однакожъ, не былъ настоящій сонъ, по сонливость (sopor). Въ такомъ положеніи государь оставался до 5-ти часовъ утра. Тарасовъ всю эту ночь просидѣлъ подлѣ больнаго, и, наблюдая за его положеніемъ, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь, по временамъ, читалъ молитвы и псалмы св. Давида, не открывая глазъ.

Въ 5½ часовъ утра, 15-го ноября, императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ Тарасова спросилъ:—«Здѣсьли священникъ?» Тарасовъ тотчасъ сказалъ объ этомъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Виллье, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ, подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ

благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ ему: — «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ,—прошу исповѣдать меня, не какъ императора, но какъ простаго міянина, — извольте начинать, я готовъ приступить къ св. Таинству».

Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе продолжалось часъ съ четвертью. Послѣ этого, всѣ вошли къ государю и поздравили его съ принятіемъ св. Таинъ. Императрица поцѣловала государя въ лобъ и руку.

Государь казался ободреннымъ и спокойно разговаривалъ. Потомъ, обратясь къ врачамъ, сказалъ:

— Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными.

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки показывали, очевидно, пораженіе мозга. Немедленно поставлено было за уши и къ затылку 30-ть піявокъ, на голову положены холодныя примочки и назначены лейбъ-медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ припадки не ожесточались.

16-го ноября, ночь провелъ государь безпокойно, сна совсѣмъ не было, но была сонливость. Сильный жаръ, кожа сухая. Среди дня государь разговаривалъ съ императрицею, но прерывисто и голосомъ слабымъ.

17-го ноября, ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 ударовъ. Поставленная на затылокъ шпанская мушка

хорошо подѣйствовала. День начался прекраснымъ утромъ, солнце свѣтило во всемъ блескѣ, лучи падали прямо на окна кабинета государя. Его величество, приказавъ поднять оконныя шторы, любовался свѣтомъ солнца, которое онъ вообще всегда очень любилъ, и сказалъ:— «Какой прекрасный день и какъ благотворны лучи солнца!» Нѣкоторые признаки, подавали поводъ полагать, что положеніе государя подаетъ нѣкоторую надежду на благопріятный оборотъ болѣзни, достигшей, впрочемъ, высшей степени своего развитія....

Такого содержанія и былъ составленъ на этотъ день бюллетень, ежедневно отправляемый въ Петербургъ. Но къ вечеру положеніе государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были слишкомъ очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни.

18-го ноября, всю ночь провелъ государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращая взоръ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Это распятіе было на золотомъ медальонѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ, на коемъ лежалъ больной. Святыня эта, какъ родительское благословеніе, всегда и вездѣ сопровождала государя и свято была имъ хранима. Не смотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку

и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда Тарасовъ давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Тарасовъ не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10-ть часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, держа постоянно своею лѣвою его правую руку. По временамъ она плакала. Тарасовъ всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье больной проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій.

Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ молебствія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи императора.

Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали такое спокойствіе, что всѣ присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все

рѣже и тише. Наконецъ въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный монархъ мирно и спокойно испустилъ послѣдній вздохъ.

Донесенія объ ужасномъ событіи были посланы въ тотъ же день начальникомъ главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, великому князю Константину Павловичу въ Варшаву, и вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Петербургъ.

Неутѣшная императрица Елизавета Алексѣевна нашла въ себѣ довольно силъ, чтобъ написать къ Маріи Ѳедоровнѣ слѣдующія строки:

«Маменька! Нашъ ангелъ на небесахъ, а я еще влачу жизнь на землѣ. Кто думалъ, чтобы я, слабая, больная, могла пережить его? Не оставляйте меня... Я одна, совершенно одна, въ этомъ плачевномъ мірѣ... Нашъ милый другъ сохранилъ обычный ему благосклонный видъ: его посмертная улыбка убѣждаетъ меня въ томъ, что онъ счастливъ, что тамъ лучше, нежели здѣсь... Въ такой потерѣ, единственное мое утѣшеніе— надежда вскорѣ соединиться съ нимъ».

Вся Россія оплакивала императора Александра: тому были тысячи свидѣтелей и сомнѣваться въ искренности такихъ слезъ значило-бы обвинять въ лицемѣріи весь русскій народъ ([57]).

Странную случайность представляетъ число *двѣнадцать* въ жизни императора Александра.

Онъ родился 12 декабря 1777 года, т. е. *двѣнадцатаго* числа *двѣнадцатаго* мѣсяца.

Шведы подступили къ Кронштадту въ 1789 году на *двѣнадцатомъ* году его возраста, — *первый разъ двѣнадцать.*

Взошелъ онъ на престолъ 12 марта 1801 года, на 24 году отъ рожденія, что составляетъ — *второй разъ двѣнадцать.*

Нашествіе французовъ было въ 1812 году, на 36-мъ году жизни императора; въ числѣ 36 содержится — *три раза двѣнадцать.*

Скончался въ 1825 году, на 48 году отъ рожденія, — *четыре раза двѣнадцать*, бывъ болѣнъ *двѣнадцать* дней.

Царствованіе 24 года, — два раза *двѣнадцать* ([58]).

ИСТОЧНИКИ.

1) Русскій Архивъ. 1871. Стр. 1519.

2) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 5. Стр. 18. — Исторія царствованія императора Александра I. Богдановича. СПБ. 1869. Ч. 4. Стр. 17 — Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. Paris, 1826. T. 2. Pg. 437.

3) Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ. Р. А. 1869. Стр. 1468.

4) Письма митрополита Евгенія къ Македонцу. Р. А. 1870. Стр. 796. — Избранныя черты и анекдоты императора Александра I. М. 1826. Стр. 43.

5) Матерьялы для біографіи А. П. Ермолова. Погодина. М. 1864. Стр. 434.

6) Графъ Блудовъ и его время. Ковалевскаго. СПБ. 1866. Стр. 79. — Исторія царствов. импер Александра I. Богдановича. Ч. 3. Стр. 225.

7) Тамъ же. Стр. 62.

8) Case of resuscitation by his Imp. Maj. the Emperor of Russia. London. 1814.

9) Полное Собраніе Законовъ. Т. 34, № 26,602.

10) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. М. 1862. Стр. 135.

11) Тамъ же. Стр. 137.

12) Полное Собраніе Законовъ. Т. 34. № 26.781.—Русская Старина. 1870. Ч. 1. Стр. 44.

13) Графъ Блудовъ и его время. Стр. 100.

14) Письма митрополита Евгенія къ Македонцу. Р. А. 1870. Стр. 796.

15) Тамъ же. Стр. 798.

16) Избранныя черты изъ жизни императора Александра I. Стр. 46.

17) Анекдоты изъ временъ императора Александра Павловича. Р. А. 1875. Ч. 1. Стр. 382.—Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. T. 2. Pg. 360.

18) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. Стр. 137.

19) Тамъ же. Стр. 139.

20) Анекдоты изъ временъ императора Александра Павловича. Р. А. 1875. Ч. I. Стр. 329.

21) Histoire de l'empereur Alexandre I. Par Rabbé. T. 2. Pg. 445.

22) Разсказы генералъ-адъютанта Шипова. Р. А. 1875. Ч. 3. Стр. 421.

23) Воспоминанія Н. И. Лорера. Р. А. 1872. Стр. 2261.

24) Memoires historiques sur l'empereur Alexandre I. Par Choiseul-Gouffier. Pg. 152.

25) Изъ старой записной книжки. Р. А. 1872. Стр. 2255.

26) Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній. 1843. Стр. 168.

27) Изъ старой записной книжки. Р. А. 1876. Ч. 2. Стр. 218.

28) Тамъ же. 1875. Ч. 1. Стр. 470.

29) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. Стр. 64.

30) Памятники новой русской исторіи. СПБ. 1873. Ч. 3. Стр. 423.

31) Н. М. Карамзинъ. Старчевскаго. СПБ. 1849. Стр. 202 и 250.—Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. Стр. 62.

32) Исторія царств. императора Александра I. Богдановича. Ч. 1. Стр. 27.

33) Воспоминанія лейбъ-хирурга Тарасова. Русская Старина. 1871. Ч. 4. Стр. 636.

34) Графъ Блудовъ и его время. Стр. 151.

35) Изъ старой записной книжки. Р. А. 1873. Стр. 1030.

36) Histoire des traités de paix. Garden. T. 13. Pg. 182.

37) Narrative of the invasion of Russia. R. Wilson. 114.

38) Исторія царств. импер. Александра I. Богдановича. Ч. 3. Стр. 341 и 385.

39) Избранныя черты изъ жизни императора Александра I. Стр. 52.

40) Графъ Блудовъ и его время. Стр. 89.

41) Исторія царств. импер. Александра I. Богдановича. Ч. 4. Стр. 507.

42) Тамъ же. Стр. 508.

43) Тамъ же. Стр. 515.

44) Избранныя черты изъ жизни императ. Александра I. Стр. 63.

45) Тамъ же. Стр. 62.

46) Тамъ же. Стр. 61.

47) Исторія царствов. импер. Александра I. Богдановича Ч. 4. Стр. 525.

48) Избранныя черты. Стр. 49.

49) Исторія царствов. императ. Александра I. Ч. 5. Стр. 425.

50) Тамъ же. Ч. 4. Стр. 547.

51) Тамъ же. Стр. 554.

52) Тамъ же. Стр. 555.

53) Тамъ же. Ч. I. Стр. 18.

54) Тамъ же. Ч. 5. Стр. 306.

55) Избранныя черты. Стр. 91.

56) Пребываніе императора Александра I въ Каргополѣ. Древняя и Новая Россія. 1875. Кн. 9.—Императоръ Александръ I на Валаамѣ, въ 1819 году. Царское Село. 1858.—Переѣзды по Финляндіи. Грота. СПБ. 1847.—Исторія царствов. импер. Александра I. Богдановича. Ч. 5. Стр. 432 и сл.

57) Воспоминанія лейбъ-хирурга Тарасова. Р. С. 1872. Ч. 6. Стр. 120 и сл.—Исторія царствованія императора Александра I. Богдановича. Ч. 6. Стр. 504.

58) Русская Старина. 1871. Ч. 3. Стр. 532.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Манифестъ

о вступленіи на престолъ императора Александра I.

«Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя нашего государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-ое число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно императорскій Всероссійской престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его да подастъ намъ силы къ снесенію бремени, нынѣ на насъ лежащаго».

II.

Манифестъ

о коронаціи императора Александра I.

«Воспріявъ вмѣстѣ съ престоломъ нашимъ прародительскимъ всѣ обязанности великаго нашего служенія, и сознавъ въ душѣ своей, что съ сего торжественнаго мгновенія щастіе ввѣреннаго намъ народа должно быть единымъ предметомъ всѣхъ мыслей нашихъ и желаній; мы къ нему единому обратили все движеніе нашей воли, и въ основаніе его, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія нашего, положили утвердить всѣ состоянія въ правахъ ихъ и въ не преложности ихъ преимуществъ. Для сего востановили мы на вѣчныя времена грамоту дворянству, коея сила отъ стеченія обстоятельствъ въ разныхъ отношеніяхъ ея была потрясена, утвердили городовое положеніе и возвратили гражданамъ преимущества ихъ во всей ихъ неприкосновенности; отверзли торговлѣ и промыслам всѣ источники богатствъ и полную свободу въ ихъ дѣйствіи; даровали поселянамъ право на необходимое употребленіе лѣсовъ, коихъ повсемѣстное запрещеніе только имъ было притѣснительно; отвергнувъ ужасы тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы; уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновниками и всякаго званія людьми, вовлеченными въ преступленіе заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами, облегчили мы судьбу ихъ безъ ослабленія силы закона, и въ твердомъ упованіи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію и обратитъ на путь истины съ него

совратившихся; сложивъ взысканія до предназначенной суммы и смягчивъ елико можно самыя наказанія, мы совершенно отъ оныхъ освободили духовенство.—Тако исполняя обязанности наши предъ Богомъ, мы не мыслимъ, что достигнули уже тѣмъ совершенно великаго нашего предустановленія. Благосостояніе царствъ земныхъ зиждется временемъ и устрояется продолжительнымъ къ общему добру устремленіемъ. Всѣми сими постановленіями мы желали только означить, сколь искренно жаждемъ мы народнаго щастія, сколь пріятно намъ удостовѣрить истинныхъ сыновъ отечества въ любви нашей къ нему и во вниманіи къ его пользамъ. Всевышній благословилъ желанія и начинанія наши. Во всякомъ добромъ подвигѣ мы ощущали всемощную Его десницу, намъ способствующую въ вящшее ознаменованіе дѣйствующаго надъ нами Его провидѣнія, и въ утвержденіе таинственной печати, соединяющей насъ съ народомъ, отъ него намъ ввѣреннымъ. Въ сей день, при изліяніи на насъ Его благодати, благополучно совершили мы священное дѣйствіе муропомазанія и коронованія: возславъ къ всесильному Его промыслу хвалы благодаренія, мы не можемъ принести Ему лучшей жертвы, какъ слѣдуя движеніямъ нашего сердца, въ залогъ сохраненія обязанностей предъ Нимъ нашихъ, нынѣ торжественно утвержденныхъ, освятить и запечатлѣть день сей въ сердцахъ народа новыми милостями, нижеизображенными (слѣдуютъ 11-ть пунктовъ, въ коихъ дарованы всѣмъ состояніямъ разныя милости). Съ чувствомъ истиннаго удовольствія обращая такимъ образомъ къ щастію народа ввѣренное намъ отъ Бога право миловать и облегчать его нужды, мы призываемъ вѣрныхъ сыновъ отечества соединить съ нами ихъ мольбы ко Всевышнему, да дѣйствіемъ присѣдящей престолу Его мудрости всѣ дни царства нашего будутъ изочтены днями преуспѣянія Россіи въ добродѣтели и просвѣщеніи, единомъ твердомъ основаніи непоколебимаго всѣхъ царствъ блаженства».

III.

Рѣчь

московскаго митрополита Платона при коронаціи императора Александра I.

«И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя своего, вѣнчанна и превознесенна!—Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійстіи сынове! Возблагодаримъ ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезномъ государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше.—Возлемъ ли къ Нему моленія, да доброть сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему. и вручаемъ Ему. —Привѣтствовать ли ваше императорское величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше.—Изъявлять ли намъ вашему величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и ангеловъ Его.—Пожелать ли вашему императорскому величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія?—О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ.—Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце?—О! прильпни языкъ намъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія.—Пасть ли намъ предъ

престоломъ величества Божія, да находя въ монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ нему привержены яко чада? И мы падаемъ и громко предъ нимъ вопіемъ: премудрый художникъ! мы предъ тобою бреніе, сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь.—Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто особаго вниманія и озабочиванія достойное.

«Вселюбезнѣйшій государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но твое попеченіе. Сія порфира есть наше ограждeніе: но твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе: но тебѣ бремя.

«Бремя по истиннѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу твоему пространнѣйшая въ свѣтъ имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная и будетъ отъ мудрости твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства.—Узриши сходящія съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на ищее, ни на десное.—Узриши въ лицѣ благаго Бога, сходящее къ тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ тебѣ народамъ.—Достигнутъ бо престола твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать твою промыслительную державу. — Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, вопіетъ, общій Отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада твои. Никто не можетъ быть предъ тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію твоему предста-

нетъ и церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ тебѣ благочестивѣйшій государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки, и ими объявъ твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

«Но съ ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать: что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать твоею прозорливостію.—Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. — Появится безстыдно и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

«При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ тя истина и правда, и мудрость, и благочестіе, и будутъ, охраняя державу твою, вкупѣ съ тобой желать и молить: да воскреснетъ въ тебѣ Богъ и расточатся врази твои.

«Се, подвигъ твой, державнѣйшій государь! се, брань, требующая, да препояшеши мечь твой по бедрѣ твоей, о герой! и успѣвай, и царствуй, и наставитъ тя дивно десница Вышняго.

«Дивно, глаголемъ;—ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему, судя о тебѣ, хотя пре-

вознесенномъ паче всѣхъ человѣковъ, но яко о человѣкѣ. и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

«Удержать,—но что же означаетъ сіе, днесь надъ тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? Составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, когда избранъ былъ онъ Богомъ въ царя Израилю, и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: И ношашеся духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ. Сіе духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освѣтило главу твою. Не тщетны желанія всея Россіи, не тщетны моленія всея церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничтожитъ моленія ихъ.

«Да и самое души твоей расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о тебѣ, государь! тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами, и благъ взоромъ, Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

«И такъ, великодушнѣйшій государь! симъ укрѣпися и ободрися. Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ тебѣ духомъ владычнымъ, подвигъ твой будетъ удобенъ, бдѣніе твое будетъ сладостно, попеченіе твое будетъ успѣшно, бремя легко и ополченіе твое будетъ побѣдительно и торжественно.

«Но се! и еще подаетъ тебѣ Богъ своего о державѣ твоей промышленія печать видимую.—Вложилъ онъ въ сердце вашему императорскому величеству да и любезнѣйшую свою супругу, ея императорское величество, сотвориши участну своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ васъ воедино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добро-

дѣтели ея величества оправдятъ благую всѣхъ насъ о ней надежду; конечно оправдитъ она слово Господне, дабы быть вѣрною вашему величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

«Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна тебя, великій государь! и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и вознесе рогъ Христа Своего!

«Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа твоя, благочестивѣйшая государыня императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ твой! Святая твоя кровь течетъ по жиламъ его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и ему. Давно апостолъ провозгласилъ: аще корень святъ, то и вѣтви. Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ твоемъ, благочестивѣйшая государыня! живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль твою: сіе возсіявшее отъ тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? — И такъ видя днесь, яко матерь Соломонова, сына своего вѣнчанна и превознесена, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостію тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ боговѣнчаннаго монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли»: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! могущіи покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!»

IV.

Рѣчь

императора Александра въ первомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 1-го января 1810 года.

«Господа члены государственнаго совѣта!

«Я считаю нужнымъ изъяснить вамъ причины, побудившія меня собрать васъ въ сей день.

«Порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобъ было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія.

«Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія.

«Какимъ образомъ въ государствѣ столь обширномъ разныя части управленія могутъ идти съ стройностію и успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству?

«Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ, не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіи вѣковъ сохраняютъ основанія государствъ.

«Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины.

«Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтъ передъ Богомъ въ щастіи его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ ощущать.

«Не частными исправленіями, не подробностями многочисленными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства.

«Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ постановленіяхъ никогда меня не оставляла.

«Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ.

«Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли.

«Не скрыты отъ меня были всѣ послѣдствія сего умедленія.

«Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка, съ тою же живостію, съ коею обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества.

«Наконецъ Всевышній благословляетъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе изъ важнѣйшихъ государственныхъ постановленій.

«Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ.

«Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія.

«Все что въ мысляхъ и желаніяхъ близкихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобъ установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами

«Вы пріемлете священную обязанность мнѣ во всемъ содѣйствовать. Предъ отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать.

«Предъ сими великими именами, всѣ личныя уваженія должны исчезнуть; изочтите милліоны, кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ

пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія.

«Уповаю на васъ и благословленіе Вышняго; мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ, моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи».

V.

Приказъ

по арміи 13 іюня 1812 года.

«Изъ дальняго времени примѣчали мы непріязненые противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру не остается намъ ничего инаго, какъ призвавъ на помощь

свидѣтеля и защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости; съ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ»

VI.

Рескриптъ

фельдмаршалу графу Салтыкову 13 іюня 1812 года.

«Графъ Николай Ивановичъ! французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи.—Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтвержденныхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ иначе, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провиденіемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Прови-

дѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ. Пребываю вамъ благосклонный.»

VII.

Рескриптъ

первопрестольной столицѣ Москвѣ 6 іюля 1812 года.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество, хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, напервѣе сбращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносною на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окресностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда ни настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ.

Спасеніе вѣры, престола, царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да поставитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начинал съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать по среди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными, на пораженіе опаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.»

VIII.

Манифестъ

о всеобщемъ ополченіи.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благодеиствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипящія му-

жествомъ попрать, опрокинуть его и то, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ него бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, и нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русской! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ неодолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ

среды самихъ себя начальника надъ опыми, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

«Въ главной квартирѣ близъ Полоцка. 1812 года Іюля 6-го дня».

IX.

Манифестъ

объ изгнаніи непріятелей изъ Россіи.

«Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы нашей имперіи. Ни какія пріемлемыя нами мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ни чѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не преставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ, приготовя сильное воинство и пріумножа оное австрійскими, прусскими, саксонскими, баварскими, виртем: бергскими, вестфальскими, итальянскими, гишпанскими, португальскими и польскими полками, угрозами и страхомъ принужденными, со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли нашей. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, созженные города и селы, пылающая Москва, подорванный

Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя до сихъ нечестовства и лютости, открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, до колѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясть вѣрность къ престолу, поруганіемъ же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ погубные свои замыслы, и съ ними на подобіе тлѣтворной и смертоносной бури понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее наше отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми нашими войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ. мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить, и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои по всюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и пре-

давая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ мы теплое и усердное благодареніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего отечества изъявляемъ признательность и благодарность нашу всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частію или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрые войска наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расторгали полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли мы, что во многихъ губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей, и не только никакими прель-

щеніями враговъ небыли уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые ими удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтныхъ дѣтей, а сами вооружаясь и поклявшись предъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, мы вмѣстѣ съ православною церковію и святѣйшимъ синодомъ и духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что есть ли неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому. Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 3-й день мѣсяца Ноября въ лѣто отъ Рождества Христова 1812, царствованія же нашего во второенадесять».

X.

Прошеніе

поданное императору Александру I государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ и синодомъ въ 1814 году.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій государь императоръ, Самодержецъ Всероссійскій!

«Воздавъ хвалу, честь и славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему надъ тобою милости Свои, Россія, о тебѣ радующаяся, славою твоею надъ всѣми державами превознесенная, тобою благоденствующая, обращается днесь къ тебѣ помазанникъ Божій, и въ лицѣ святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и сената твоего, совокупно предъ тобою колѣна преклоняющихъ, приноситъ общую вѣроподданныхъ твоихъ жертву, жертву сердецъ, восхищенныхъ великими твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра не имущими. Услыши, всемилостивѣйшій государь, воззваніе усердныхъ чадъ твоихъ, и милостиво пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою, положась на любовь и преданность твоихъ подданныхъ и тѣмъ ихъ возвелича, не усомнился ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы Наши возгордившимся? Что воздадимъ тебѣ, оградившему безопасность отечества нашего возстановленіемъ независимости державъ, ему сопредѣльныхъ? Какія хвалы могутъ довлѣть тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу не токмо

твоимъ въ столицу его побѣдоноснымъ шествіемъ, но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, престолы поколебавшаго и желѣзному скипетру своему всѣ племена и царства подвергнуть возмнившаго? Превознося тебя, яко побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе твое, ознаменованное предъ лицемъ свѣта великодушнымъ прощеніемъ побѣжденныхъ и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ владыкъ земныхъ уподобится тебѣ, великій! Кто изъ нихъ подъявъ оружіе въ оборону отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради пріобрѣтенія личныя славы, но для спасенія чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемыхъ, и для возвращенія законныхъ имъ владѣтелей! Кто мудростію своею и кроткимъ среди самаго могущества убѣжденіемъ возмогъ враждебные народы обратить въ союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо! Дѣла твои, государь! совѣчны пребудутъ имени твоему, имени Александра Великаго, великодушнаго защитителя Европы, возстановителя законныхъ правительствъ. Вселенная, величію твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвоятъ уже тебѣ всѣ сіи титла. — Ты же, достойный избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія твои единому всеблагому Его промыслу, жертвы хваленія не благоволишь и смиренномудріемъ твоимъ заграждаешь уста наши. Покорствуя тебѣ, государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости твоея; но всеобщія благословенія и твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, тебѣ всегда соприсущная и во всѣхъ твоихъ предначинаніяхъ знаменующагося, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ тебѣ чадъ твоихъ, поднести тебѣ титло единодушно всѣми утвержденное, благости сердца твоего, нашимъ къ тебѣ чувствованіямъ соотвѣтствующее, и безъ стяженія коего нѣтъ истиннаго величія — титло Благословенный. —

Усердно тебя молимъ, не отрини сего тебѣ отъ сыновъ твоихъ приношенія. — Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ тебя, государь безсмертный! и потому дерзаемъ умолять тебя, Благословенный, не возбрани намъ воздвигнуть въ престольномъ градѣ твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ твоихъ доблестяхъ; не да приложитъ оный что-либо ко славѣ незабвеннаго твоего имени, но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечуствительностію къ изліяннымъ тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ тебѣ любви и безпредѣльныя преданности».

XI.

Указъ

государственному совѣту, сенату и синоду, 1814 года.

«Внимая посланному ко мнѣ отъ святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената прошенію о воздвигнутіи мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія: Благословленный, не могъ я въ глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе божеское, а съ другой чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя самое для меня лестнѣйшее; ибо всѣ старанія и помышленія души моей стремятся къ тому, чтобъ

теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ божеское благословеніе и чтобъ быть благословляемому отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія. Но при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю я оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ, преклоняя вѣрноподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный. Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

XII.

Рѣчь

императора Александра I при открытіи сейма царства Польскаго 15 марта 1818 года.

«Представители царства Польскаго! Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

«Одно забвеніе прошедшаго могло произвесть ваше возрожденіе. Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе. Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую. И дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ, по правиламъ христіанской нравственности, добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь — возстановить храбрый и достойный народъ.

«Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомоществовали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный самъ однимъ внушеніемъ, самымъ драгоцѣннѣйшій моему сердцу.

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны. Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

«Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

«Поляки! освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

«Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею: неприкосновенность сихъ внѣшнихъ обя-

зательствъ и сего коренпаго закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы. Благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

«Поприще трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія польскаго. Вы увидите проэкты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлію постепенное усовершенствованіе. Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проэкты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете поставить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими добле-стями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и приготовляетъ войско къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лице мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ

непереставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

«Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще загляжены. Таковъ законъ природы. Благотворится медленно, совершенство же недоступно слабости человѣческой.

«Представители царства Польскаго! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

«Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная; но что напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца, и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

«Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душею вашего собранія, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши пренія.

«Руководствуясь единственно любовію къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ, и выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергайте обманчивую прелесть столь часто заражающую даръ слова.

«Наконецъ, да непокидаетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной божественнымъ законодателемъ.

«Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность отечества и то общее уваженіе, которое подобное

сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

«Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль, я показалъ вамъ ваши обязанности.

«Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу-ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено.

«Вознесемъ благодареніе къ тому, который единый просвѣщаетъ царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

«Призовемъ его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I—III
Черты и анекдоты изъ жизни императора Александра Перваго.	1
Источники.	117
Приложенія	121